

ОТ ХРАМА К ХРАМУ. ПАЛОМНИЧЕСТВО СИБИРЯКА

Летом 2007 года омский журналист Виктор Гоношилов преодолел пешком путь от Тобольска до Омска. Год спустя была издана книга, составленная из его путевых очерков. Сегодня с позволения автора мы хотим предложить их с небольшими сокращениями нашим читателям.

к ним, чтоб отдохнуть душой. Но все имеет свой срок. Ели, состарившись, покинули этот бранный мир.

Эпизоды с иконами показывают, что в Сибири, как и в европейской части России, паломничество также было не только испытанием ради личного спасения или очищения от грехов, но еще и подвигом ради всего «общества»: села, волости.

Паломничество относилось к вещам опасным. Об этом свидетельствует тот факт, что, по воспоминаниям одной из большеуковских паломниц, их группа шла ночами. Видимо, меньше вероятности встретиться с охальниками. Про одиночные паломничества в собранном Зензиным материале не упоминается ни разу. А из сведений в Интернете о сибирском паломничестве нашлись данные о единственном паломнике-одиночке. Им был скандально известный Григорий Распутин. Он в своих, теперь опубликованных воспоминаниях, не скрывал, что во время паломничества по Сибири его жизнь очень часто висела на волоске. На него покушались грабители и разбойники. Если бы не быстрые ноги, то в истории имени Гришки Распутина, любимца царской семьи, пожалуй бы, и не осталось.

Я иногда вспоминаю разговоры из далекого социалистического прошлого. Тогда простые сельские мужики, рассуждая о необходимости религии, порицали большевиков за ее отмену. Они говорили, что народ, который боится греха, меньше ворует и убивает. В детстве мне подобные рассуждения казались правильными, а сегодня представляются кощунственными. К личной вере в Бога нельзя подходить с точки зрения прагматизма. Воспитывать людей, запугивая Богом, говоря, что он накажет за воровство или обман, значит, сводить роль Бога до уровня прокурора. На мой взгляд, вера в Бога из боязни - это не вера, а насилие над душой.

Ведь дореволюционные паломники с желанием покаяться в грехах, проходя сотни верст пешком, к чудотворным иконам стремились не из страха перед наказанием божьим. Если ты кого-то боишься, то найдешь десятки причин и отговорку, чтоб не встречаться лицом к лицу. Зато когда ты чувствуешь вину перед тем, кого искренне любишь, тогда ты готов совершить любой подвиг, только бы избавиться от чувства стыда и мук совести. В Сибири, краю ссыльных преступников, этот подвиг по сравнению с европейской частью державы был в десятки и сотни раз весомее. Потому что пройти по торным «расейским» дорогам 50-100 верст до ближайшего монастыря (в Европе странства намного меньше наших) - это одно. А пройти тысячу верст по сибирским местам - диким и опасным - это совершенно другое дело.

Основную массу паломников дореволюционной поры, как это не покажется удивительным, составляли крестьяне. Почему именно крестьяне, беднейшее сословие империи? А может быть, по той же причине, что нынешние православные - это в большинстве своем интеллигенция, наименее обеспеченное сословие России современной.

Может быть, подобное сходство как-то связано с верой в Бога? Возможно, эти люди не богаты по той простой причине, что они не способны взять с ближнего лишней рубль, лишнюю копейку.

Не зря же сегодня одна из самых востребованных книг - «Богомолье». Она о бескорыстном служении богу простого русского человека. Ее написал Иван Шмелев (1873-1950), русский эмигрант, покинувший Родину в годы революционных передеряг. Интересно, что она часто стоит - на полках в магазинах, а продавцы о ее существовании не подозревают.

Ты спрашиваешь:

- У вас есть «Богомолье» Шмелева?

- Нет, - отвечают тебе, - у нас только «Солнце живых» того же автора. Купите ее.

А «Солнце живых», как выясняется, если взять книгу в руки, сборник произведений Шмелева. И «Богомолье» входит в него. Хорошее всегда через препятствия достигается.

Есть еще одно общее свойство между крестьянами дореволюционной поры и сегодняшней интеллигенцией. Желание очиститься душой, обрести смысл жизни. Оттого люди и шли неспешно, чтобы ничто не мешало им приобщаться к божественному и светлому. Проехаться на попутной телеге считалось грехом. Произнести грубое слово, спеть фривольную песню - тоже грех. Не место!

Паломничество, или странствие по святым местам, утвердилось в христиан-

ской религии, начиная с четвертого века. Название происходит от слова «пальма». Ветвь пальмы служила символом того, что паломник побывал в Святой земле, земле которая помнит Иисуса Христа.

В России слово «паломник» утвердилось в XIII веке, хотя первое паломничество в Святую землю относится к веку одиннадцатому. Это слово, скорее всего, пришло с запада, потому что в Древней Руси слова «пальма» не знали. Слово «пальма» в русском языке появляется в XVI веке. Его смысловое значение - «ветвь». То, с чем возвращались паломники из Святой земли.

В России, как и когда-то на западе, к паломникам относились только те, кто побывал в Святой земле. Тех же, кто пешком посещал православные святые, называли богомольцами. И само путешествие получило название «богомолье».

За 70 лет атеизма в России укрепилось слово «паломник» в его интернациональном значении. Трансформация благодаря рекламе туристического бизнеса пошла даже дальше. Под паломничеством стали понимать любое путешествие к любым священным местам: хоть пешком, хоть на самолете, хоть на велосипеде к кладбищу в соседней деревне. Это вряд ли правильно. В паломничестве на первом месте по значимости стоит духовное самосовершенствование человека. Здесь важен процесс размышления. И в большинстве религий под паломничеством понимается длительный пеший поход: совмещение телесного подвига с душевным очищением.

Поэтому сейчас многие люди из тех, кто к святым местам (на автомобиле, поезде) ездит не куража ради, а по зову души, свое путешествие называют красивым и емким словом «поклонничество».

Информации же о дореволюционных сибирских крестьянах-паломниках до обидного мало. В Интернете найдется всего несколько статей. Когда ты начинаешь их изучать, оказывается, это один и тот же материал в десятке разных вариаций. Культура России - культура дворянская. Жизнь холопов, крестьян, к потомкам которых автор этого материала относит себя без всякого стеснения, практически никогда всерьез не воспринималась и не изучалась.

Мне же кажется важным знать, что чувствовал простой деревенский мужик, стоя у стен Тобольского кремля, единственного кремля в Сибири. И какие чувства обуревали его, когда он любовался куполами Софийского, старейшего православного храма в наших краях, расположенного на территории того же Тобольского кремля. А как у него билось сердце, когда он падал на колени перед Абалакской иконой Божьей Матери? И ведь что-то шевелилось у него в душе, когда он шел мимо деревни, на кладбище которой, согласно легендам, находилась могила Ермака.

Чтоб самому понять, чтоб на себе прочувствовать все это, я и решил пройти 900 километров по дорогам сибирских паломников. Преодолеть на собственных ногах путь православия в Сибири - от Тобольска через Абалак до Омска. От старейших православных храмов Сибири до Успенского храма в Омске, который сияет совсем недавно водруженными куполами. Это не паломничество. Это поход журналиста по пути паломников. Хотя, если честно, я не знаю, чем он будет отличаться от паломничества, странствия по святым местам и местам, где жили мученики. У нас ведь каждая пядь земли, куда бы ты не пошел - к Абалаку или от него - достойна паломничества. Мучеников много.

Виктор ГОНОШИЛОВ

(Продолжение в следующем номере)

ПУТЬ ДОЛГИЙ И ОПАСНЫЙ

- Вы хотите знать, как бывшие украинцы уходили в паломничество? - переспросил у меня 81-летний Василий Федосеевич Иващенко. - Очень просто. Долго не собирались. В заплечный холщовый мешок бросали котелок, немного картошки, хлеба, рубаху на смену и уходили.

- Но ведь они в Киев отправлялись. Это ж тысячи километров. Полгода пути, думаю, не меньше. Разве можно шесть месяцев идти с одной запасной рубашкой? - возразил я.

- Шли они не полгода, а не меньше двух-трех лет. Брали же с собой покляжи потому мало, что подрабатывали в дороге.

Так в начале двадцатого века совершали паломничество в Киево-Печерскую Лавру крестьяне из основанной украинцами деревни Сорочино нынешнего Калачинского района Омской области.

Однако паломничество в Киев из-за дальности пути относилось к явлениям не частым. Чаше же всего сибирские крестьяне отправлялись в Абалакский монастырь. Чтоб поклониться чудотворной Абалакской иконе Божьей Матери. Монастырь стоит в 30 километрах от Тобольска, города, ставшего отправной точкой российской истории Сибири. Этот же город был и началом новой жизни для многих «расейских» переселенцев. Перевалив через Уральский хребет, отсюда, по Иртышу или по прибрежным дорогам, двигались они на юг Сибири за лучшей долей.

Обжившись на новых местах, переселенцы начинали вспоминать, как они с надеждой на лучшее будущее становились на колени перед чудотворной иконой. Просили безопасности в пути и удачу на новом месте. Только потом отправлялись в неизведанную глубину сибирского материка. От воспоминаний щемило сердце, и они, кто раньше, кто - позже, собирались в обратный путь: на богомолье в Абалак.

Теперь, к сожалению, сохранилось исключительно мало свидетельств о том, как и по каким дорогам путешествовали паломники. Директор Большеуковского музея Евгений Зензин, кажется, единственный в области, кто еще в советскую эпоху начал интересоваться крестьянским православным паломничеством.

Как рассказывала ему жительница района Евдокия Серболова, ее бабушка Вера Петровна вместе с женщинами из большеуковских деревень - Становки, Форпоста, Верхнеаевки - на грани девятнадцатого и двадцатого веков посещала Абалакский монастырь. Крестьянки принесли список или, если оперировать светскими понятиями, копию Абалакской иконы Божьей Матери. Надо заметить, не для себя. Икона была установлена в одной из сельских церквей. Исчезла в тридцатые годы, когда рушились храмы.

Другая группа паломников принесла икону, для которой в километре от села Рыбино (ныне Большие Уки) специально воздвигли часовню. У стен часовни посадили две ели. Часовня простояла до начала борьбы с религией. А ели остались. Они еще лет десять назад стояли. Хорошее место, люди до последних лет приходили

Путь к Омску был начат от стен тобольского Софийского собора, старейшего храма в Сибири.

сказывать о достопримечательностях города. Сразу видно, патриот. Я, объяснив ситуацию, спрашиваю о поклонном кресте, установленном монахинями.

- Это просто найти, - отвечает Юрий, - на автобусе до краеведческого музея. Монастырь расположен дальше. Правда, пешком идти прилично. Не меньше останки.

По пути к монастырю я наткнулся на пожилую женщину со столь добрым лицом, что не мог не спросить о поклонном кресте. Рюкзак тяжелый - 30 килограммов, сто лишних метров ходить не хотелось. Мне снова повезло. О православных достопримечательностях города женщина знала абсолютно все. Она мне тут же рассказала, что иду я не в женский монастырь, рядом с которым установлен поклонный крест, а в мужской. Женский монастырь находится на территории бывшего винзавода. Автобусы туда ходят редко, добраться трудно. Съездить все же стоит. Я с готовностью с ней согласился. Она подкупила меня комплиментом в

тюрными церквушками стали украшать монастырские подворья.

Тут почувствовал запах меда. Дело оказалось не в дизайне. Церквушечки были не игрушечными храмами, а пчелиными ульями. На лавочке, рядом с ульями сидел благообразный мужчина с ухоженной седой бородой.

- Можно, оставлю рюкзак, - спросил я, - неудобно с ним по храму ходить.

- Паломничаете, молодой человек? - ласково поинтересовался он. - Мало нынче пеших паломников, как принято было когда-то на святой Руси. Мало. За рюкзачок не беспокойтесь. Монастырь.

Посетив храм, я собирался уходить. Но долг вежливости прежде всего. Дежурный вопрос - дежурный ответ. Разгорелась беседа. Выяснилось, что у собеседника старший внук моего возраста - 50 лет. Я опешил. Мужчине со всеми натяжками я бы дал не больше 55.

- С какого же вы года?

- С девятьсот пятого я. 102-й годок мне.

ОТ ХРАМА К ХРАМУ. ПАЛОМНИЧЕСТВО СИБИРЯКА

(Продолжение. Начало в №1(947) от 9 января 2013 г.)

НИКОЛАЕВСКИЙ КРЕСТ

Узнав об изменении маршрута поезда, Николай II тихо произнес: «Омск мог бы стать нашим спасением».

Весной 1918 года поезд, в одном из вагонов которого находился бывший российский император Николай II, а теперь просто ссыльный гражданин России, с потушенными огнями со стороны Тюмени двигался в сторону Омска. Комиссар В. В. Яковлев, доверенное лицо Свердлова, пытался, вопреки решению большевиков Урала, вывезти бывшего царя не в Екатеринбург, а в Уфу. У Яковлева, в прошлом боевика-революционера, в этом городе имелись прочные личные связи. Здесь он решил разместить Николая II с семьей. Но на станции Куломзино, неподалеку от Омска, железнодорожные пути перекрыл отряд красногвардейцев...

Состав снова взял направление на Екатеринбург. Тогда император и произнес фразу об Омске, который мог бы стать спасением для семьи.

Тюмень - перевалочный пункт моего пути к Tobolsku. Я не собирался задерживаться в городе. Мне надо было всего лишь пересечь с поезда на тобольский автобус.

А так как свободного времени между прибытием поезда из Омска в Тюмень и отправлением автобуса в Tobolsk у меня оставалось сравнительно много, то решил погулять по городу. Открыл путеводитель по Тюменской области и сразу же натолкнулся на строки о поклонном кресте, посвященном памяти последнего российского императора - Николая II. Крест установлен местными монахинями на берегу Туры, реки, вдоль которой раскинулась Тюмень.

В голове тотчас же возникает цепочка, связавшая разные города и разные вре-

Летом 2007 года омский журналист Виктор Гоношилов преодолел путь от Tobolska до Омска. Год спустя была издана книга, составленная из его путевых очерков. Сегодня с позволения автора мы хотим предложить их с небольшими сокращениями нашим читателям.

В женском монастыре при советской власти располагался винзавод.

мена. Ведь именно цесаревич Николай Александрович, будущий российский император Николай II, будучи летом 1891 года в Омске, поместил закладной камень в фундамент уникального по архитектуре Успенского собора, того самого, что был разрушен при советской власти. Поэтому я просто не мог не побывать у поклонного креста. По наивности предполагал, что об этом месте знает каждый житель города - долго ли добраться.

Тюменцы, следует отметить, люди гостеприимные и сострадательные. Они, искренне пытаясь помочь, посылали меня из самых добрых побуждений в самые разные места города. И все время не туда. Самый простой вариант - обратиться в краеведческий музей - не проходил по уважительной причине. Вторник. А тюменские музеи по понедельникам и вторникам не работают.

Счастливый случай свел с местным жителем в тот момент, когда я фотографировал местную изюминку: огромный каменный башмак. У нас в роли такой изюминки выступает металлический сантехник Степаныч.

- Первый раз в Тюмени? - спросил подошедший молодой мужчина.

Я даже не успел ничего ответить, как он начал рас-

адрес всех жителей города Омска, которые вот знают о существовании поклонного креста, а в Тюмени мало кто о нем слышал. Я, согласно кивнув головой, стыдливо умолчал, что в Омске тоже далеко не каждый покажет дорогу к дому Александра Колчака.

- Но вы обязательно сначала побывайте в мужском монастыре. Тут находится кровотокающая икона Христа и хранятся мощи святителя Филофея, обратившего в христианскую веру 30 тысяч сибирских язычников.

Время меня поджимало, через полтора часа уходил последний автобус на Tobolsk. Но женщина об этом слушать даже не хотела:

- Побывайте, не пожалеете.

Должен заметить, что в некоторых случаях с хамом общаться проще - ему легко отказать. Перед вежливым человеком ты вечно в долгу. И я пошел в мужской монастырь.

Напротив храма зеленел небольшой газон. На нем стояли небольшие золоченые церквушки - примерно по метру высотой.

- Надо же, каких широт достиг православный дизайн, - восхитился я. - Миниа-

Живут же люди, невольно позавидовал я.

До второго монастыря добираться пришлось долго. Если я спрашивал о женском монастыре, то мне отвечал далеко не каждый, если о бывшем винзаводе, то направление знали все сто процентов отвечающих.

Вход на территорию свободный. Монастырь действует всего пять лет. Храмы снаружи еще не оштукатурены, но куполами уже сверкают.

Монашки, закутанные в платки, меня обходили стороной. Почему-то не внушал им доверия. В конце концов, одна показала путь к кресту.

Площадка у поклонного креста Николаю II выложена каменной плиткой. Каждый день после вечерней трапезы монашки совершают к нему крестный ход. Крест расположен в пойме Туры. К нему ведет лестница из 77 ступеней. Над крестом возвышается увал. На этом увале монашки создали террасную клумбу. Склон укрепили кирпичными стенами и высадили цветы. Когда они расцветут, крест будет стоять на фоне сплошного цветника.

Поклонный крест памяти последнего российского императора Николая II.

Тюменская достопримечательность - огромный каменный башмак.

Появление креста связано со следующим событием. Когда Временное правительство отправило Николая Второго в сибирскую ссылку в Tobolsk, то в Тюмени, на берегу Туры, царь с семьей прямо из поезда (ветка железной дороги подходила к пристани) пересел на паром, и по Туре, впадающей в Tobol, его довезли до Tobolska.

На территории монастыря я неожиданно ощутил чувство особенного душевного покоя. Впервые его я почувствовал во времена достаточно давние, когда восстанавливался храм Христа Спасителя в Москве. Мне тогда не нравилась эта идея. Что ушло, то ушло, считал я. Но, попав в столицу, естественно, отправился на место стройки. Шум, гам, современная

техника, рабочие в ярких спецках: все выглядело так, как и ожидалось. Не свято. А чувство умиротворенности вдруг пришло. Видимо, намоленность места никуда не исчезает - она остается. Большевики, будучи материалистами, судя по всему, это знали. Потому в поверженных храмах со снесенными куполами устраивали клубы, танцплощадки. На месте разрушенного храма Христа Спасителя построили бассейн. Чувства, которые будились в клубах, бассейнах, нельзя назвать низкими - это были чувства естественные. Любовь, в том числе и плотская, достойна уважения. Но любовь - чувство земное, а вера в Бога - небесное. Большевики надеялись, что земное чувство вытеснит небесное. Не получилось, сколько ни старались.

К слову, в женском монастыре, где я находился, водку в те времена, когда здесь располагался винзавод, разливали прямо на месте алтаря. Ну и что? Водка в прошлом, выпита, а намоленность осталась.

Путь Николая II в Тюмени увлек меня. Удача сама шла в руки. Совершенно случайно обнаружил музей, посвященный последнему императору России. Об этом музее в Тюмени известно единицам, хотя он круглосуточно открыт для посещения. В помещении той станции, через двери которой Николай II и его семья проходили с поезда на пароход, сейчас находится акционерное общество по подводным речным работам. Руководитель предприятия под музей выделил зал около 50 квадратных метров. В принципе, это галерея, посвященная дому Романовых. Фотографии, статьи. И мебель той эпохи. В этом же помещении располагается часовенка. Рядом - мастерская по реставрации старинной разбитой мебели, которую покупают у пожилых людей. Меня женщина-сторож в здание впустила в восемь вечера. Последний автобус на Тобольск к тому времени уже ушел. Я этот самостоятельный музей искал часа два, о нем даже в соседних домах не знают. А ведь в него пускают всех. В любое время суток!

На следующее утро я ехал автобусом в Тобольск. По краям дороги время от времени возникали «моря», из вод которых росли кусты ивы и телеграфные столбы. Конец мая. Весеннее половодье. Переживал, как же пойду пешком, если для палатки места у дороги свободного от воды не найти. В Тобольске меня все переживания оставили. Я опять погрузился в тему о Николае II. Здесь царь жил с 13 августа 1917 года по 13 апреля 1918-го. Так указано на мемориальной доске, прикрепленной к зданию Тобольской районной администрации. Это пояснение делаю специально, потому что по датам есть расхождение в источниках. В здании администрации находится кабинет-музей Николая Второго. Заведует им молодой научный сотрудник Алексей Ламбин, для которого, кажется, другой истории, кроме той, что связана с именем бывшего императора, просто не существует. Если читатели подумают, что выйти на этот кабинет было легко, то ошибаются. Трагедия Николая II почему-то продолжается и после его смерти. В этом кабинете проводятся экскурсии, его посещают школьники. Но распросы на улицах города никого не дают. Ты многим тоболякам, именно так именуют себя жители города, открываешь глаза на историю родного города. К слову, большинство из нас историю малой родины знает плохо. Обыденность прорезаться интересу мешают.

Почему все же возникла сибирская эпопея в биографии бывшего царя? Временное правительство посчитало европейскую часть России ненадежным местом для содержания арестованного. Сторонники императора могли освободить его силой. Враги же, наоборот, убить. Поэтому его отправили в Сибирь. Жил он в доме бывшего тобольского генерал-губернатора. Помещения после приезда Николая II пришлось меблировать заново. Тобольки после революции растащили все хозяйство, оставшееся без надлежащего присмотра.

Большевики, сменившие временное правительство, уже Тобольск посчитали ненадежным местом для ссылки царя.

Мужской монастырь в Тюмени.

следовало из утвержденного в редакции маршрута, от Абаклацкого монастыря, я решил пойти к Омску от стен тобольского Софийского собора, старейшего храма в Сибири. Чем удлинил дорогу на 30-35 километров. Утром, перекрестившись перед крестами Софийского собора, двинулся в путь. Вслед торжественно зазвучали колокола. Не в мою честь. Они давали сигнал к церковной службе. Я все равно принял их звон как хорошее

предзнаменование. По прошествии десяти дней могу сказать, что если истина: кого господь любит, того и испытывает, - верна, то предзнаменование действительно было хорошим. Ветра, холода, дожди, размокшие большаки. Особенно запоминающимися получились ночевки в летней легкой палатке. Автор этих строк в пешее путешествие собрался в соответствии с многолетними прогнозами: июнь - самый сухой и жаркий месяц. Июнь же 2007-го, как об этом знает уже каждый житель Западной Сибири, по обилию дождей и холодов стал единственным на памяти ныне живущих.

Однако в тот, первый день путешествия я был полон оптимизма. Еще сутки-двое - и погода наладится. Меня больше выматывали в пути не снежная крупка или сильный ветер («зато комаров нет», - внутренне шутил я), а отсутствие километровых столбов вдоль трассы. Идешь, идешь, а результат не известен. Тобольск в соответствии с федеральной программой превращается в центр туризма. Стройка ведется огромная. Дорога от Тобольска до Абаклака, где находится чудотворная икона Божьей Матери, абсолютно новая, километровые столбы еще не поставлены. Края асфальта присыпаны не землей, а крупным гравием. Чуть сошел с асфальта - укол в ступню. Поэтому я по асфальтовой кромке перпрямо навстречу идущему автотранспорту. Дорогу уступал лишь самым настырным водителям.

Искреннюю благодарность испытываю к водителям-дальнобойщикам и владельцам «навороченных» джипов. Эти, как правило, расходились со мной на метр в сторону. Большинство же остальных шли вприпрыжку.

Пролетариата нет, население города состоит из мещан, духовенства и купеческого сословия. Николая II было решено переправить в какой-нибудь пролетарский регион. Странности с изменениями маршрута во время перевозки царя невольно наводят на мысль, что среди большевиков имелись противники его смертной казни. Допустим, тот же бывший революционер-экспроприатор, комиссар В. В. Яковлев (эта фамилия - один из его псевдонимов). Он был борец идейный. А борцы за идею кровожадны лишь до победы над соперниками. Они ж идеалисты. И им никто не указ. Тем более что вскоре Яковлев, как рассказал Алексей Ламбин, переметнулся в лагерь сторонников Учредительного собрания (свой поступок позже объяснял партийными интересами), потом уедет в Китай, где его завербует советская разведка. Вернется в социалистическую Россию и будет расстрелян в 1938 году. Через 20 лет после расстрела царя.

До чего ж все-таки история хрупка. Пробился бы Яковлев в восемнадцатом из Тобольска через Тюмень в Омск, и история нашего государства могла бы получиться совершенно другой.

АБАЛАКСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Как порядочный человек я честно признался отцу Иллариону, что журналист. В подтверждение своих слов протянул редакционное удостоверение. Священнослужитель Абаклацкого монастыря, внимательно рассматривая документ, «оптимистично» сообщил:

- А у нас нет благословения принимать журналистов.
- Почему? - вырвалось у меня.
- Жили у нас тут двое журналистов дня три, из Омска...

Как следовало из дальнейшего монолога, мои коллеги написали статью, которая не понравилась руководству монастыря.

- Ладно, - хладнокровно произнес я, - ухожу.

Мне не хотелось терять лицо. Хотя физически к передвижению по горизонтали был уже не способен.

- Ладно уж, оставьте переночевать, - смягчился отец Илларион. - Завтра вернется наместник, отец Гермоген. У него на работу в монастыре попросите благословения. А там уж, как он решит.

Я с трудом дошел до кельи номер девять, которая отводилась для паломников, где стал седьмым постояльцем. После 30-километрового марша с рюкзаком, в котором находилось все снаряжение на случай автономного существования, ноги отказывались двигаться.

Давно известно, что гордыня - один из самых больших грехов. Мы же все равно ею грешим. И автор этих строк не исключение. Вместо того, чтобы начать пеший путь по следам омских паломников, как

Монах Абаклацкого монастыря.

Я как-то спросил одного дальнобойщика, почему их фуры да еще дорогие джипы - самый безопасный транспорт для пешеходов и велосипедистов. Он ответил коротко: за рулем профессионалы. За рулем фуры - водитель-профессионал, а в джипе - профессионал по добыванию денег. Им нет смысла самоутверждаться за счет кого-то, бредущего по обочине. Они и без того знают себе цену.

Кстати, я удлинил себе путь еще тем, что решил забежать в Искер, столицу Сибири при Кучуме. Сейчас от полуострова, на котором она стояла, осталось около 20 квадратных метров перекопанной кладбищенской площади - все остальное забрал Иртыш. Надо сказать, что золотоискатели обмишуриваются здесь постоянно. Откуда им знать, что когда-то рядом с опустевшим Искером, который находится километрах в 25 от Тобольска, стояла русская деревня Выходцевка. Ее обитатели жили продажей того, что выкапывали из земли древней сибирской столицы. После них даже археологи ничего не находят.

До Абаклака, едва живой, я добрался через 13 часов после выхода из Тобольска. В Абаклацком мужском монастыре ночевал пару ночей. Здесь я, столь негостеприимно принятый, все же получил благословение на сбор материала и оставался единственным не работающим среди его примерно 50 обитателей. Паломников монастырь принимает, не спрашивая документов. Им, мужчинам, предоставляется кровать, постельное белье и бесплатное трехразовое питание. Пища скромная: каши, супы - зато досьята. Паломники - не дармоеды. Они исполняют послушание в виде работ в хозяйстве монастыря. Труд не сложный и не изнурительный. Он такой продолжительности и такого темпа, который вызывает удовольствие, а не отторжение. Верующие люди приезжают отдохнуть от мирской суеты и помолиться Богу.

Я бесплатно пользовался постелью, пищей в монастырской трапезной, но в отличие от других не работал на территории монастыря, а собирал материал о монастыре и селе Абаклак. Все же на хлебником себя не считал. В каждом православном храме стоит ящик с табличкой «Для пожертвований». В Абаклацком мужском монастыре он тоже есть.

Через день во мне, как в журналисте, разочаровались все: и паломники, и трудники, и монахи.

- Брат, - учили меня, - ведь настоящий журналист должен вынюхивать и выискивать всякие недостатки, тайком фотографировать. Иначе что это за журналист?

Я отмалчивался. А что вынюхивать-то? Вот идет трудник (от слова «трудиться»), это рабочий монастыря. На нем в край изодраный свитер. Щелчки фотоаппаратом - и одной фотографией убьешь веру в сотнях людей. Если в православных монастырях так держат народ, то что это за вера? Никто не поймет, что человек не желает надевать другое. Это его подвиг. Зачем же к человеку в душу лезть, берedit ее?

Или другой пример: отец Никон. Он отвечает за экскурсионную деятельность в монастыре. Для меня, единственного, он проводил экскурсию после вечерней службы. Мы стоим на пронизывающем ветру, и я вижу, как взметаются ветром рукава чиненной-перечиненной рясы. Серые заплатки, подобранные под цвет застиранной ткани рясы, сказали мне об этом человеке больше, чем если бы я прочитал о нем книгу в 200 страниц. Мелкие стяжки от руки выполнены лучше, чем у иной рукодельницы швы из-под швейной машинки выходят. Сказываются многолетняя тренировка. В этих стяжках - вся суть человека, весь его путь к Богу и вся его жизнь в вере. Разумеется, днем, когда отец Никон проводит экскурсии для различных делегаций или вип-персон, он одет торжественно. И слава Богу, что я вижу его вечером, а не днем.

А вот на чудотворную Абаклацкую икону Божьей Матери, с которой связано возникновение монастыря, мне взглянуть не удалось. Дорогу к причинам начну издали.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Продолжение в следующем номере).

По преданиям, на берегу этого озера на территории монастыря стояла изба вдовы Марии, которой и было видение Абалакской иконы Божьей Матери.

многократную побелку, местами проступает до сих пор. В начале девяностых монастырь стал действовать снова. Ведутся службы, хотя храмы, окруженные лесами, находятся в состоянии реставрации.

А настоящей чудотворной иконы в монастыре больше нет. Она была утрачена в годы закрытия. Есть недавно созданные иконы Абалакской Божьей Матери, но это результат современного иконописного искусства. Из старинных списков иконы, как я понял, осталось немного. Один из них находится в православном храме. Где бы вы думали? В Австралии. И самое интересное, что эта икона была вывезена белыми войсками с территории Омской губернии. «По преданиям, - сказал отец Никон, - она скоро снова вернется в Россию. И займет место в Абалакском монастыре». Когда отец Никон произнес эти слова, меня по сердцу немного резануло: наша икона-то. Хотя, с другой стороны, не тот случай, когда надо считаться. Кстати, в некоторых православных храмах Омской области есть старинные списки иконы.

Полседьмого утра служба. Трудники имеют право ее не посещать. В восемь завтрак. Пропустил - гуляй до обеда. В час дня - обед. Ужин после вечерней церковной службы - где-то около 7-8 часов. Перед каждым приемом пищи - молитва. После окончания - тоже. К ритуалу привыкаешь быстро. Уже на следующий день я начал подпевать в такт.

Мое житье в монастыре пришлось на время поста. Пища на стол подавалась постная. Утром и вечером - каши. Мы их сдабривали вареньем или растительным маслом. В обед суп без мяса и макарон. Хлеб всегда белый. На третье - сладкий чай. Все вволю. Я всегда брал добавку. Вкусно.

Жизнь монахов от меня была скрыта. Они живут в отдельном от трудников корпусе. Сословие же трудников находилось перед моими глазами. Жил рядом.

История трудников идет издалека. В прошлом у монастырей были свои деревни. Позже роль крестьян перешла к трудникам. Современные трудники, на мой взгляд, относятся к двум категориям.

ОТ ХРАМА К ХРАМУ. ПАЛОМНИЧЕСТВО СИБИРЯКА

(Продолжение. Начало в №1 (947), 2 (948) от 9 и 16 января 2013 г.)

АБАЛАКСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Абалак - старинное татарское село. Название получило по имени татарского князя, чьей центральной ставкой оно являлось. Здесь Кучум после первого поражения от Ермака укрывал свою семью: Абалак считался неприступной крепостью. Неподалеку от села произошло второе сражение войск Ермака и Кучума. Оно стало решающим для судьбы всей Сибири. В первом сражении на Чувашевом мысу, сейчас это окрестности Тобольска, против Ермака Кучум смог выставить лишь ополчение. Оно, состоявшее из необстрелянных, мирных, парней и мужчин, разбежалось после первой же стычки, едва появились раненные и убитые. Дело в том, что гвардия Кучума в это время находилась в грабительском походе против России. Когда она вернулась, произошло второе сражение. Поэтому у Абалака сошлись профессионалы с обеих сторон. Военное счастье улыбнулось Ермаку и на этот раз, хотя далось с гораздо большим трудом. Вскоре после основания Тобольска (в 2007 году Тобольску исполнилось 420 лет) в Абалаке появились первые русские переселенцы.

В 1636 году вдова Мария, жительница Абалака, увидела во сне три иконы. В центре находилась икона Богородицы «Знамение», справа от нее был образ Николая Чудотворца, а слева - Марии Египетской. Вдова услышала голос, который приказывал сообщить об этом явлении народу и построить на Абалакском кладбище рядом с ветхой церковью новую. Вдова, естественно, постеснялась рассказать о своем сне. Обо всем увиденном она решила сообщить лишь после четвертого видения, три последних происходили не во сне, а наяву. Архиепископ Нектарий благословил мирян на строительство нового храма. Постепенно в Абалаке сформировался церковный комплекс, который в 1783 году был превращен в мужской Знаменский монастырь.

Первую икону Абалакской Божьей Матери «Знамение» в дар новому храму преподнес крестьянин Евфимий, страдавший параличом. В центре вновь созданной иконы находилась Богородица с младенцем Иисусом, по правую ее руку - изображение Николая Чудотворца, по левую - Марии Египетской. После окончания работы иконописца протоиерея Матфия над заказанной крестьянином иконой, у последнего болезнь прошла. Потом прозрели глаза у одной из крестьянок, пришедших на поклонение к иконе. Так икона обрела славу чудотворной. К ней стекался народ из самых разных мест России. Но большинство паломников приходило из ближайших губерний - сибирских. Конечно, было много жителей

Летом 2007 года омский журналист Виктор Гоношилов преодолел путь от Тобольска до Омска. Год спустя была издана книга, составленная из его путевых очерков. Сегодня с позволения автора мы хотим предложить их с небольшими сокращениями нашим читателям.

Храм Абалакского монастыря в 2007 году находились в процессе реставрации.

с территории нынешней Омской области, о чем поведала мне 83-летняя жительница Абалака Анастасия Соболевникова.

Среди паломников в большинстве своем были женщины. Об этом часто вспоминал ее отец. Шли они всегда с двумя парами чирков (легкая самодельная обувь из кожи) - одна пара на ногах, другая - за плечами. Такая сложилась традиция - на территорию монастыря заходить только в новой обуви. Во время наплыва паломников стоимость стакана воды в селе могла подниматься до пяти копеек. Огромная для тех времен цена. Абалакцев даже прозвали «пятакниками». Село стоит на высоком Иртышском крутояре. Вода селянам давалась нелегко. Ее носили, преодолевая 50-метровую крутизну берега.

По словам заведующей музея Абалакской средней школы, для паломников было выстроено две гостиницы. Одна предназначалась для высокопоставленных персон, а другая, двухэтажная, - для крестьян. Последнюю на собственные деньги построила жена генерала Зряхова.

Монастырь закрыли 19 августа 1924 года. В его стенах разместился лагерь НКВД. Заключенных расстреливали здесь же. Как говорит отец Никон, какие бы земляные работы ни велись на территории монастыря, лопата обязательно наталкивается на человеческие косточки. Останки неизвестных мучеников помещаются в специальные гробы, в их честь проводятся поминальные службы.

Позже в храмах разместились ремонтные мастерские. Мазутная чернота на смерть въелась в стены. Она, несмотря на

сейчас в селе Абалак при численности населения около 850 человек русских и татар насчитывается примерно поровну. Численность татар растет быстрее - рождаемость выше. В местной школе собираются вводить новый предмет - татарский язык.

Паломников в селе не очень привечают. Не в том плане, что их третируют. По селу можно ходить сколько угодно, взглядом никто не обидит. Но снять квартиру очень сложно. Тут сами паломники виноваты. Наболевшим поделилась одна старушка: «Ты его пустишь на квартиру, а он тебе скандал устроит».

Мужчинам устроиться все же проще, чем женщинам. У мужчин есть надежда остановиться в монастыре. Женщин, а их среди паломников по-прежнему очень много, насколько знаю, стала пускать какая-то сердобольная селянка, она специально одну комнату своего дома для них отвела. За деньги или нет, не спросил, неудобно. (Автор описывает ситуацию на 2007 год. Сейчас в Абалаке есть гостиница. - Прим. редакции).

Сама по себе жизнь в монастыре простая. Здесь живет около двадцати человек из тех, кто уже определил себя на службу Богу: послушники, монахи, священнослужители. Трудников, если судить по количеству посещающих трапезную, несколько больше. Около тридцати человек. Что поразило: практически у каждого трудника есть мобильный телефон. Прогресс, от него и в монастыре не спрячешься.

Распорядок твердый. Отбой в одиннадцать вечера, а подъем в шесть утра.

Первая - те, кто решил посвятить себя Богу. Трудничество - их испытание. Они трудятся на монастырских полях, ферме, пасеке. Еще раз повторюсь, работа в монастыре не тяжела. Исправно посещают церковные службы. Сдержанны в словах.

Вторая категория - перекати-поле. Так сложилась судьба, что мужику некуда податься. Он приходит в монастырь. Здесь он работает. Ему предоставляют кров, стол и одежду. Хотя эти люди ведут себя спокойно, на язык они невоздержанны. Как раз по их поведению часто и складывается не очень благоприятное представление о монастыре. Среди последней категории много людей с мятущейся душой. Они искренне хотят посвятить себя Богу. А поломать натуру не в силах. Их отличает раздражительность - им везде плохо. Они меняют монастыри, скиты - и все без толку. От себя не убежишь. Слабые люди. Ты их судьбу читаешь с первого взгляда. И тебе самому, не Бог весть с каким счастьем в жизни, их, даже откровенно злых, становится искренне жалко.

МОГИЛА ЕРМАКА

Погостив в мужском Абалакском Знаменском монастыре около двух суток, я отправился пешком на сторону Омска. Одним из пунктов своего маршрута наметил село Супра. О нем много слышал в монастыре. Это окраина Тюменской области, до Омской области рукой подать. Там строится новый храм. И там же место, куда стремятся люди, желающие убежать от себя. Округа озерно-речная, много островов. Человек, душа которого не может успокоиться абсолютно ничем, стремится туда, мечтая найти отдушину. Он строит избушечку на свободном островке и становится отшельником. Этот край отшельников и хотелось посмотреть.

Шел вдоль правого берега Иртыша. Почти сплошь татарские села. Красивые обустроенные деревни. Большие дома, разрисованные ворота, яркие наличники. И чрезвычайно неторопливые доброжелательные жители. «Вот они встретились и ничего страшного не произошло», - подумал я однажды, шагая с рюкзаком, на котором крупно алели буквы «Ермак», по улице имени хана Кучума.

Несмотря на благоприятную погодную обстановку, к концу второго дня путешествия я оказался разбитым по максимальной шкале. Больше всего пострадали ноги. Очень много километров пришлось пройти по щибенке. В селе Бегишево, на местном кладбище которого вроде бы похоронен Ермак, что местные жители отрицают, какой-то татарин мне сказал:

- Земляк, тебе надо отдохнуть. Впереди будет брошенная русская деревня. Там живет единственный человек. Ему лет 80. Дядя Карло. Зайди, он гостеприимный.

Свое прозвище - «дядя Карло» - Хайрулла получил за любовь к работе по дереву.

глаза и поэтому сразу заметил движение. Дед, тяжело шаркая ногами, подошел к вешалке с одеждой, снял полушубок, подошел к моей кровати и накрыл меня. Я, ввиду экстремальной ситуации, лег на пыльное покрывало не раздеваясь.

Утром выскочил на улицу и замер от красоты. Дом, оказывается, стоял на Иртышском обрыве. Утренняя зорька проторила по воде дорожку из ярких бликов прямо к моим ногам. Обойдя кругом избышку, опять ахнул от удивления. На деревянных подставках лежали два долбленых челна. Гладкие, обоженные снаружи, обожженные острым кончиком, они словно быстрыми носами, они словно возвращали меня на пять-десять веков назад. Мне казалось, что такие лодки строят только для кино о средневековье. А тут - вот они. Красавицы! Или красавцы?

по левому берегу. Свой пеший путь на этот раз решил начать от Вагай. Вагай - райцентр Тюменской области, получивший название по реке Вагай, мне подходил идеально. Оборванная ниточка моей дороги по правому иртышскому берегу практически соединялась с путем по левому берегу - они отделялись друг от дружки лишь шириной Иртыша. Река Вагай в истории России известна тем, что на острове в ее устье погиб Ермак. Я километров тридцать исходил в окрестностях села, чтоб найти тот остров. Оказалось, если верить всем моим респондентам, Ермак погубил как минимум на четырех островах. Самый известный находится километрах в пяти от реки. Зато ближе всех остальных лежит к областной трассе. Высокий лесистый холм метрах в ста от асфальтированной дороги вагайцы дружно показывают проезжающим как место гибели Ермака. Отсутствие реки рядом их нисколько не смущает.

Остров же, который сотрудники местного краеведческого музея считают настоящим местом гибели Ермака, где стоит памятник и поклонный крест, является труднодоступным. Особенно весной и в начале лета. Он находится напротив села Старый Погост примерно в трех-четыре километрах от автомобильной дороги. Собственно, это не остров. Река делает поворот почти по замкнутому кругу, выделяя полуостров из рядом лежащей суши. А несколько ручейков и мелких речушек поперек основания полуострова превращают его в весеннее половодье почти в остров.

Всех пускает. Поверь, земляк, я плохого не посоветую.

Мне не хотелось заходить к дяде Карло, ежедневный план - 30 километров - был далек от выполнения. Однако на часах уже значилось десять вечера. На улице заметно холодало.

Неподалеку от опустевшего села, где сохранилось несколько домов, гудел трактор. Шла вспашка поля под картошку. Улучив момент, махнул трактористу. Тот остановил машину.

- Хожу по вашим селам, собираю фольклор, - уверенно соврал я высунувшемуся из кабины молодому парню. - Посоветовали обратиться к дяде Карло.

Не выношу вранья, но когда нужда приперла, куда деваться. Случайного прохожего дядя Карло мог бы и не пустить на ночь, а ученому, который готов посвятить ему несколько страниц своего труда, вряд ли откажет.

Парень указал на небольшой, ничем не отличающийся от других, дом. Едва я к нему приблизился, навстречу с лаем бросилась пара крупных лаек. Собак я испугался не больше, чем предстоявшей холодной ночевки в палатке. Чуть-чуть посвистывая, шел в их сопровождении к дому. Собаки лаяли, но цапнуть не старались. Таежные. Они больше обучены информировать, а не нападать на человека. На мой стук в дверь никто не ответил. Я понял причину, когда вошел в дом. Хозяин, крепко выпивший, спал на кровати. Как определил, что хозяин пьян? Да очень просто. По беспорядку на столе. Консервная банка из-под кильки, чашка речной рыбы, пластиковая полторашка, в которых сельские жители обычно носят самогонку или бражку.

В избе царил чудовищный кавардак. Словами не опишешь, надо на видео снимать. Мне же стало необычайно хорошо и уютно: от протопленной печки тянуло теплом, а напротив стояла свободная койка. Я сбросил рюкзак, достал из него кусок колченой колбасы, сел на пыльную скамью и стал невозмутимо жевать. Если завтра хозяин спросит, как у него очутился, скажу, что сам пригласил. Вряд ли он многое вспомнит из сегодняшних событий. Однако я не учел обостренное чутье на опасность одинокого человека.

- У меня нечего грабить, - на русском языке, но с большим акцентом донеслось вдруг с кровати.
- У меня тоже.
Так я познакомился с 83-летним дедом - дядей Карло. Поначалу, из-за имени и акцента, я принял его за репрессированного прибалта. Ошибся - татарин. Дед встал, налил себе из полторашки стакан какой-то жидкости, понюхал.
- Хорошо! Самогонка. А то я боялся, что пиво, - сказал дед и выпил.

Потом на плохом русском языке рассказывал мне о дочери, о внучке. Несколько раз случалась непонятная для меня сцена. Он брал мою ладонь в свои руки, гладил, подносил к лицу, нюхал, вдыхал запах. Может быть, старику просто не хватало ласки, тактильных ощущений, обычного человеческого тепла. Не знаю.

Ночью же случилось вообще трогательное. Он поднялся часа в три, я спал в пол-

- Господи, - застонал я, - ну почему так не везет? Почему у меня нет лишнего дня? Вот бы пожить здесь, посмотреть, как дядя Карло создает челноки.

Появился дядя Карло. Скептически отнесся к моим восторгам по поводу его мастерства.

- Не видел ты, какие долбленки делают ханты, - произнес он.

Судьба дяди Карло - это его характер. Он, состарившись, так и не сумел выйти из юношеского возраста. В свои 83 остается все тем же ершистым подростком. Жизнь прожил обычную для такого типа людей. Тюрьма - по глупости. Потом много любовных романов: женщины любят отчаянных. Потом горькое одиночество. Уход из своей татарской деревни в брошенную русскую.

- А как тебя зовут по-татарски? - спросил я.

Дядя Карло напрягся.
- Знаешь, забыл... Хайрулла, - вспомнил он после минутного молчания.

Прозвище «дядя Карло» - это производное от литературного папы Карло, который создал длинноносого деревянного мальчишку Буратино. За любовь к работе по дереву.

Попрошались мы очень тепло. Напоследок я получил неожиданное наставление.

- Ты о Боге не забывай. И все равно как называют его разные люди: Аллах или Христос. Бог все равно один.

А потом случилась еще одна очень замечательная встреча. Хотя сперва у меня косяком пошли неудачи. Оказалось, что добраться до Супры невозможно. Дорога в нескольких местах скрыта под водой. Половодья, подобного нынешнему, не помнил никто из старожилов. Я попросился с желанием увидеть край отшельников и переправился через Иртыш. Чтоб идти до Омска

по левому берегу. Свой пеший путь на этот раз решил начать от Вагай. Вагай - райцентр Тюменской области, получивший название по реке Вагай, мне подходил идеально. Оборванная ниточка моей дороги по правому иртышскому берегу практически соединялась с путем по левому берегу - они отделялись друг от дружки лишь шириной Иртыша. Река Вагай в истории России известна тем, что на острове в ее устье погиб Ермак. Я километров тридцать исходил в окрестностях села, чтоб найти тот остров. Оказалось, если верить всем моим респондентам, Ермак погубил как минимум на четырех островах. Самый известный находится километрах в пяти от реки. Зато ближе всех остальных лежит к областной трассе. Высокий лесистый холм метрах в ста от асфальтированной дороги вагайцы дружно показывают проезжающим как место гибели Ермака. Отсутствие реки рядом их нисколько не смущает.

Остров же, который сотрудники местного краеведческого музея считают настоящим местом гибели Ермака, где стоит памятник и поклонный крест, является труднодоступным. Особенно весной и в начале лета. Он находится напротив села Старый Погост примерно в трех-четыре километрах от автомобильной дороги. Собственно, это не остров. Река делает поворот почти по замкнутому кругу, выделяя полуостров из рядом лежащей суши. А несколько ручейков и мелких речушек поперек основания полуострова превращают его в весеннее половодье почти в остров.

Наверняка каждый помнит, что дружина Ермака спала, когда к ним незаметно подкралась воина Кучума. Я не раз и не два слышал вопрос: как татары могли подкрасться к казакам, если те спали на острове? Как они определили место их лагеря? Ведь в легендах не упоминается о лодках Кучума. Даже имея лодки, надо ведь точно знать место, к которому идешь. И попробуй рассмотри его на острове. Иначе как подберешься скрытно? Если же события происходили на полуострове, то все недоразумения снимаются сами собой.

Форсировав несколько протоков, связывающих речушки полуострова с Вагаем, я сдался, не дойдя метров триста до памятника. Глубина водных преград становилась все больше и больше, а вода холодная. Летом водных преград не бывает, речки пересыхают, и каждый желающий увидеть памятник Ермаку, потратив несколько часов времени, относительно легко достигнет его. Если есть проводник из местных.

Вагай стал для меня, как и для Ермака, точкой преткновения. На местном автовокзале мне сказали, что дороги по направлению к границам Омской области, если следовать вдоль Иртыша, перекрыты глубокой водой в нескольких местах. Осталась единственная проезжая - через Тюмень. Вот тогда я запаниковал по-настоящему. Проект, казалось, спасти уже невозможно. Пешком ведь по воде не пойдешь. Вечером в гостинице, успокаивая себя, читал газеты. Вдруг наткнулся на слова, что настоящий мужчина, попав в трудную ситуацию, не позирует, изображая крутого мужика, а до-

стойно добивается цели с минимальными для дела потерями. Это правило американского актера Курта Рассела. Встреча с великим актером, пусть и виртуальная, многое перевернула во мне. Я понял, что до сих пор не столько был мужчиной, сколько изображал такового. Да, пешком по воде не пойдешь. Но на теплоходе несчастные полста километров дороги, прерванной водой, преодолеть можно. Дойду до тех мест, где начинают плескаться волны, и сяду на речной лайнер, курсирующий между селами, расположенными на иртышских берегах. Господь уже на следующий день вознаграждал меня за прозрение.

Я в Вагайской поликлинике ждал приема у хирурга. Решил подремонтировать ноги перед очередным броском. Рядом сидела пожилая татарка. Мы с ней разговорились, и она прямо засияла, узнав, что я из Омской области.

- Ой, как хорошо, что есть ваша область, - зачастила она. - У нас во всех деревнях вокруг Увата этим довольны.

Естественно, что мне, человеку сентиментальному, сразу же стало приятно - родину ведь хвалят. А дело тут, как выяснилось, вот в чем. В окрестностях огромного озера Большой Уват, что лежит на границе между Омской и Тюменской областями, находится несколько деревень, совершенно отрезанных болотами от внешнего мира. Зимой к ним прокладывают зимники. Из Усть-Ишимского района Омской области. Он ближе, чем Вагай, к которому территориально относятся деревни. Со стороны Усть-Ишима едут закупщики рыбы и клюквы, везут товары, а главное - в районной больнице Усть-Ишима без лишних слов, по медицинскому полису, принимают жителей деревень-робинзонов. А поскольку сейчас лето, то бабулька приехала в больницу родного района. Случайно попутный вертолет подвернулся.

Мне в Вагайской поликлинике тоже без всяких претензий провели мелкий операционный ремонт ступней. Так и напрашивается тост: «Выпьем же за содружество сибирских регионов».

Продолжая медицинскую тему, от хирургии перехожу к психологии. Думается, не часто у человека бывают моменты, когда он начинает себя уважать. Это необычайное везение, когда ты имеешь редкое право сказать себе: «Я сделал что мог и что должен». Уважение к себе появилось к двадцатому дню путешествия. А самым тяжелым психологически днем для меня было третье июня, последний день подготовки к выходу на пеший маршрут от Тобольска до Омска. Чудились и мерещились десятки опасностей, которые будут подстерегать в пути. Находясь в гостиничном номере, потел от страха.

И вот, когда из этого пути было преодолено в общей сложности около четырехсот километров, примерно триста из них пешком, я стал необычайно спокойным. Трудности превратились в обыденность жизни. Разбитые ноги, когда каждый шаг отдается болью, воспринимаешь философски; от дождя ты уже не укрываешься и не переживаешь по поводу промокнутости. Высохнешь. В городе ты схватывал простуду от случайного сквозняка в кабинете, а тут почти через день едва живой от холода вылезает из палатки - и ничего. Более того, хронический городской насморк как рукой сняло. И ты начинаешь понимать, почему на самом деле шли в паломничество наши предки-крестьяне. Чтобы через ежедневное преодоление себя и пути почувствовать душевную благодать.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Продолжение в следующем номере).

Мост через речку Черную, у которой проходит граница между Тюменской и Омской областями.

Омскую область, оставалась затопленной половодьем. Пришлось воспользоваться пароходом.

Случайно встреченные тюменские тележурналисты с восторгом рассказывали, какие потрясающие кадры они снимали в одной деревне: женщины на резиновых лодках ездят в магазин за хлебом и обратно.

Я сочувствовал жителям этого села, но меня все-таки больше беспокоила собственная ночевка. Проблема разрешилась совершенно случайно. Кассиршей на теплоходе оказалась обаятельная девушка Таня. Главное заключалось все же не в ее обаянии, а в том, что она живет в Омске. В Тюменской области работает во время навигации. Земляк земляка не бросит. Она поговорила с заместителем капитана, Пал Пальчем, тоже омичом, - и у меня попутно решилась еще одна проблема - проблема с ужином. Ел в домике у речников, а ночевал в салоне «Зари».

дороге помогает. Таблетки не наобум пью, а строго по делу.

Я, бывает, скучаю по своей первой профессии: по ее жертвенности и самоотдаче. В ветеринарных кулуарах, когда за столом нет чужих, мы с коллегами не стесняемся изыснаться высоким стилем: «Мужики, если говорить правду, то нет ничего благороднее нашей профессии: ведь абсолютно бесправным и бессловесным тварям жизнь спасаем. Они же нас, если собаку или кошку лещишь, то укусят норвят, то поцарапает, а порой корова или лошадь так копытом приложится, самому в пору к врачам бежать. И ничего. Переморщишься да снова за дело принимаешься». А еще профессия ветврача хороша тем, что интуицию и наблюдательность развивает. Жеребца не спросишь: «У вас в каком боку покальывает?».

Наблюдательность и в дороге пригождается. Читал у одного натуралиста, мол, в дождь птицы почти не поют. Это если дожди летом редкость. А если ненастье каждый

ОТ ХРАМА К ХРАМУ. ПАЛОМНИЧЕСТВО СИБИРЯКА

Летом 2007 года омский журналист Виктор Гоношилов преодолел путь от Тобольска до Омска. Год спустя была издана книга, составленная из его путевых очерков. Сегодня с позволения автора мы хотим предложить их с небольшими сокращениями нашим читателям.

Нулевой километр.

(Продолжение. Начало в № 1(947), 2(948), 3(949) от 9, 16, 23 января 2013 г.)

НОЛЬ НА КАРТЕ

Достопримечательностью районного села Усть-Ишим является нулевой километр. На окраине села, километрах в двух от центра, стоит столбик с металлическим ромбиком, на каждой стороне которого, по числу сторон света, изображено по нулю. Здесь любят фотографироваться приезжие. Но все же истинное начало северной части нашего региона находится километрах в 65-68 вниз по Иртышу, у речки Черная, где проходит граница между Омской и Тюменской областями.

Странно все-таки устроен человек. Наша общая Родина - Россия. И русский человек везде себя должен чувствовать одинаково уверенно. Но едва я по мосту над Черной пересек границу между областями и оказался у родных пенатов, спокойствия в душе сразу прибавилось. Как бы в гостях ни было хорошо, а дома лучше. Мне все окружающее стало видиться более симпатичным, чем километр пути назад. Например, сразу же за речкой Черной стоит стела с гербом нашего региона и щит с указателем расстояний до ближайших райцентров. А на тюменской стороне подобных вещей нет. И ты с приятцей в сердце думаешь, как хорошо эти знаки отражаются на имидже области. Ведь по дороге зимой ходят автобусы от Усть-Ишима до Тобольска. Наверняка каждый пассажир ждет появления этих дорожных символов, которые для него точка отсчета. Думаю, в автобусе обязательно возникает небольшой гул: «Через час в Усть-Ишиме будем. Указатель Омской области проехали».

А дорога точно такая же, как на тюменской стороне. Раскисший от дождей глинистый большак. В шесть утра я вышел с места стоянки теплохода «Заря» у села Абаул Тюменской области, последним тюменским населенным пунктом перед Омской областью, и в четыре дня подо-

Раскисший от дождей глинистый большак. Справа стела с гербом нашего региона.

шел к омскому селу Загваздино. Точного расстояния никто не укажет, а примерное - километров 15-20. Сразу надо сказать, что мне в предыдущий день повезло. Когда я садился на «Зарю» у небольшого татарского села Елань-Яр Вагайского района, меня изводил вопрос: «Где буду ночевать?» Постоянно моросил мелкий дождик. Обосновываться в палатке в таких условиях крайне неприятно.

У Елань-Яра я уже ночевал в палатке под дождиком. Ночь повторять не хотелось. Хотя я свой поход по следам омских паломников планировал исключительно пешеходным, но природа оказалась сильнее. Значительная часть дороги, ведущей в

ОТ ПРИРОДЫ НИКУДА НЕ ДЕНЕШЬСЯ

Когда отошел с километр от Абаула, и чужих глаз уже не опасался, сел перебинтовывать ноги. Ступни в волдырях от свежих мозолей и в обнаженном мясе от прорвавшихся старых. С благодарностью вспомнил ветеринарный институт, в котором имел счастье учиться и удовольствие поработать. На кафедре оперативной хирургии у нас было четыре часа занятий, когда преподаватели учили студентов бинтовать животных. Передавая науку молодым людям, я так набил руку, что готов дать урок любому медику. И знание фармакологии в

день, то в самый дождь такие ноты выдают, только слушай. Весь лес звенит.

А вот погоду, скажу наперекор большинству любителей природы, по поведению птиц угадать нельзя. Ни по особому тревожному пению (уж как я прислушивался, редко кто так птиц слушает, - нужда заставляла, мокнуть не хотелось), ни по особому молчанию. Тревога в птичьих голосах перед дождем слышна. Но в тот момент, когда ты сам наверх знаешь: ливень сейчас хлынет. Уже тучи собрались, порывы ветра усиливаются, а лес, как и прежде, веселыми птичьими переливами наполнен. Первый удар грома, первый резкий порыв ветра - и крики испуга. А потом снова - почти тот же гомон. На каждый удар грома пичуги тревожным дружным гомоном откликаются. Но это скорее реакция испуга от внезапного громкого звука, нежели какой-то особый знак. Успокаиваются они быстрее тебя - ты же еще очередной молнии ждешь. А птички ее не ждут. Она же птицам гибель не несет.

И в дождь, не в самый, конечно, ливень, а когда капли падают начинают пореже, на кормежку вылетают. Обмен веществ у маленьких пичуг высокий. Для них четыре часа без еды, как для человека две недели. Деваться некуда. Неуютно им, холодно, топорщится промокшее перо, зато еда обильная: принесенными ветром семенами растений, сбитыми дождем насекомыми, выползшими дождевыми червями большак усеян. Жируют птички. Ойкнет синичка от крупной капли по спине и ж следующей добыче семени.

Полюбил я за время паломничества крупных хищников из пернатых: коршунов, ястребов, орланов. Не стану врать, в систематике не силен и по голосам не различаю, гнездо представителей какого вида по соседству с тобой палаткой находится, но по тону всегда чувствуется - птица рядом крупная, самоуверенная и врагов не боится.

Всегда расценивал как везение, когда устраивался на ночлег по соседству с гнездом коршуна или ястреба. Певичие мелкие птички, которые не добыча для крупного

Теплоход «Заря».

Девушка Таня.

хищника, голосисто заваливаются всю ночь, поскольку всех остальных врагов им бояться уже не приходится. Мелкий наземный хищник или та же ворона на территорию ястреба вряд ли сунется. Правда, птички непрерывные трели выдают при условии, что ночь разделяет два солнечных дня, а не дождливых. Жизнь в радость. Тепло, пичуги бодрствуют, и твоему сну их пенне не мешает. Чуть похолодало, ненастье - птички раньше четырех-пяти утра голосовые связки не напрягают. По красоте с их песенными переливами никакая симфония не сравнится. Спать, если говорить совершенно справедливо, почти (именно так - почти) не мешают.

Считай, ты крупно влип, если установил палатку в рощице, где находится колония ворон. Гробовая тишина. Некому петь: мелкая живность подчистую съедена. И вдруг внезапно громкое одиночное «К-х-ха-ар-р-р». Слово по взмаху дирижерской палочки начинается звуковое светопреставление с отвратительной хрипящей какофонией. Через несколько секунд тебя начинает душить лютая злоба на ворон. Оттого, что не ласково разбудили, оттого, что дальше спать не дают, оттого, что бодрствование не приносит удовольствия. Вдобавок ты ощущаешь полное бессилие. А бессилие еще сильнее давит на психику. Как-то, доведенный до отчаяния, выбрался со своим пневматическим пистолетом из палатки. А толку? Разве можно в темноте разглядеть черную птицу. Все равно начал палить. Наобум. Поднялись мои мучители в небо и давай оттуда громче прежнего орать. Вместо обычных 10-15 минут пришлось около часа слушать изнуряющий нервы стереоконцерт.

Успокаиваются эти черные сволочи, названные кем-то по недоумению совсем беззловбно - серыми воронами, медленно. Одна за другой. Поганый хор уже замолк, а отдельные недоумки еще долго подают голос.

У древних китайцев большой популярностью пользовалась казнь каплей воды. Плотно привязав к пыточному столбу преступника, над его головой закрепляли сосуд с микроскопической дырочкой в днище. Вода, медленно собираясь в каплю, ритмично падала на темя человека. От капель, внешне безобидных, несчастный в первые несколько часов сходил с ума, затем умирал в мучениях. Авторитетно, не боясь обвинений в преувеличении, заявляю, что редкое, но методичное карканье ворон ночью изводит не хуже падающей капли.

Колонии ворон располагаются рядом с деревенскими свалками. В десять-одиннадцать вечера, когда ты ищешь место для ночевки, деревенский мусорный полигон в глаза не бросается. Только бессонной ночью и поймешь, по соседству с кем и чем оказался.

ЗАГВАЗДИНО

На хороших людей мне продолжало везти. В Загваздино меня, насквозь промокшего и от ушей до пяток покрытого липкой дорожной глиной, приютил глава сельского поселения Анатолий Одинцов. Баню йстопил! Любому, чтобы полностью понять мой восторг, сначала тоже, как и мне, необходимо провести полторы недели в поту и ни разу не почувствовать на коже горячей воды.

Но еще до того, как истопить банную, Анатолий, несмотря на уличную грязь, долгу водил меня по домам старожилов. У села удивительная история. В середине семнадцатого века его основал казак Загваздин, выходец из Тобольской округи (там, кстати, тоже есть селение Загваздино, я проходил мимо).

Село стоит на берегу озера Телюган. Озеро названо не просто так. Когда казак заключал договор на аренду земли с местными татарами, за ними с неба наблюдал ястреб или «телюган» по-татарски. Птица, скорее всего, тотемный символ рода, считалась главным свидетелем и гарантом сделки.

К началу двадцатого века в селе проживало около 900 человек, нынче в нем - 480 жителей. В 1906 году здесь появилась церковь с 20-метровой звонницей. Об этом очень подробно рассказывается в «Истории села Загваздино», написанной местной учительницей литературы Зоей Семеновой. Книга напечатана в единственном экземпляре. На принтере школьного компьютера.

Церковь была поставлена на кирпичный фундамент, а строилась из смолистого крученого и кондового леса. Обычно это сосны, растущие на гривах. Их древесина,

свободная от излишков воды, обладает особой прочностью. Приглядевшись, даже неспециалист увидит их отличие от других деревьев. Рисунок древесных волокон создает ощущение скрученности по спирали от корня до вершины. Особо почитаться церковь стала с лета 1919 года. В том году, в сенокосное жаркое время, загорелся окраинный дом. Пожар, перекидываясь от избы к избе, обещал уничтожить все село. Однако, дойдя до церкви, огонь внезапно стих. Половина села осталась целой.

Почитаемость церкви все-таки не спасла ее от испытаний, которые наступили в последующие годы. В 1921 году красноармейцы утопили в Телюгане священника отца Федора. Бросили связанным в прорубь. Мыс озера, у которого случилась казнь, знает каждый житель деревни. В тридцатых, это период двух кампаний - разгрома церквей и создания колхозов - священника, пришедшего на смену отцу Федору, определили в свинопасы. Раньше пас человеческие души, теперь попаси свиньи. Люди изобретательны на издевательства.

Все, что осталось от церкви в Загваздино: огромная сосна, которая росла в ограде храма

Редкий случай. История сохранила имена людей, которые ломали храм: приводить имена не стану, не хочу недоброй памятью проходиться по их потомкам. К чему? Они ж в проступках дедов не виноваты; а тень невольно и на них упадет. Странно, что люди, сбивавшие кресты с куполов, относились к самым сельским социальным низам: пастух и колхозный сторож. Следовательно, сами комсомольцы и коммунисты, те, кто командовал сельнянами, на купол лезть не рискнули. Побоялись Бога. Заставили взять грех на душу, как вспоминают пожилые загваздинцы, самых тихих и бессловесных мужиков. Один из них упал с купола вместе с крестом. Сильно изувечился, долго, едва ли не всю оставшуюся жизнь, болел.

В бывшей церкви, как было принято, и зерно хранили, и фильмы крутили. Затем ее разобрали. Из церковных бревен построили больницу. Все, что осталось от церкви, - огромная сосна, которая росла в ограде храма. Для загваздинцев сосна является символом родного села. Они ее обязательно показывают гостям. Кирпичный фундамент церкви скрыт под грядками частного огорода. Не мое это дело, советовать, но, думается, кирпичи надо бы вынуть и сохранить под закладку новой церкви, рано или поздно она появится в селе.

Из особенностей новой истории мне бы хотелось отметить прекрасный мемориальный комплекс, может быть, единственный такой в России, посвященный памяти репрессированных и раскулаченных. В селе 45 человек числятся среди пострадавших от советской власти. Фамилия Загваздиных в этом скорбном списке встречается шесть раз.

Какими памятниками у нас обычно отмечают память репрессированных? Огромными серыми гранитными камнями или стандартными часовенками. Других памятников я не видел. До тех пор, пока не побывал в Загваздино. В начале 90-х здесь соорудили мемориал, в состав которого вошла стела с полным списком репрессированных селян. История создания мемориала проста и потрясает одновременно. Приехали в село выпускники худграффа Омского пединститута. Предложили проект памятника, он был их дипломным проектом, председатель колхоза согласился. Так вот, мемориал стоит, а имена его создателей уже утрачены. А ведь прошло всего полтора десятка лет...

По словам главы местного муниципального образования, уже упоминавшегося

Обелиск репрессированным загваздинцам.

Анатолия Одинцова, народ в селе приспособился к реалиям рыночной экономики. Большинство нашло для себя дело. Каждый зарабатывает по-своему. Кто-то рубит срубы и продает их, кто-то взял на себя заготовку дров, которые охотно покупают пенсионеры. Появились частная пилорама, маленькая пекарня. Есть жители, которые свое благополучие строят на заготовке дикоросов: брусники, клюквы, кедровой шишки.

Здесь, как и века назад, не принято воровать. Клюква, собранная за август и сентябрь, лежит в мешках штабелями, пока мороз не скует болото. Потом ее вывозят на лошадях или тракторах. Ни у кого мысли не появляется, чтоб не самому собирать ягоду, а унести мешок уже собранной. Готовые срубы, поленицы из чурок виднеются у самой дороги. На них тоже никто не покушается.

СТРОПТИВЫЙ ХРАМ

Следующим пунктом после Загваздино в моем маршрутном листе значится Усть-Ишим. Здесь состоялась запоминающаяся беседа с отцом Андреем, священником местного храма. Полный, в старомодных очках. Вроде бы типичный сельский батюшка. В то же время оригинально мыслящий. Он не обижается на современников, которые пока еще редко ходят в храмы. Он спрашивал меня, а, возможно, больше себя: почему не идут? Отчего в православие, раньше бывшее верой крестьян, сегодня больше идут интеллигенты, а не сельские жители?

Странное дело, отец Андрей, человек внешне вроде бы не сильный, совершенно лишен менторства, навязчивого нравоучительства, а люди его шибко уважают. Примерно полгода назад я видел реакцию весьма образованных людей, которые с отцом Андреем обменялись всего полчасика. Полнейший восторг: «Вот это человек!». Уже этим летом одна случайно встреченная пожилая селянка из Тевризского района, Щитова ее фамилия, сказала мне:

- Далеко от нас Усть-Ишим. А появится время - еду туда. Чтоб зайти в храм, поставить свечку, поговорить с батюшкой. Я все время ему удивляюсь: как он умеет за пятнадцать минут сделать человека счастливым.

Храм, в котором служит батюшка, самый северный из омских храмов дореволюционной постройки. Добротный, выстроенный из кирпича, освящен в 1906 году. Он даже после разгрома православия оставался стоять с куполами и крестами. Иконы, вынесенные из храма, в целях пропаганды атеизма были приготовлены для ритуально-

го сожжения на центральной площади села. Не получилось. Ночью, как гласит местная легенда, один усть-ишимский мужичок погрузил иконы на тележку, увез в тайгу и закопал. Не исключено, что придет время, этот схорон откроется.

На стенах храма висят старинные иконы, которые пережили свои церкви. Они сохранились со всего района. Их несут простые люди, дедушки и бабушки которых, рискуя жизнью, не могли пройти мимо поруганных ликов святых.

Кто знает, храм с нетронутыми куполами, может быть, таким бы простоял до нынешних времен, если бы не пострадал за свою строптивость. Как ни странно, именно акустика помещения, а ведь она у храмов всегда была великолепной, мешала демонстрировать в нем фильмы. Эхо возникало. Специалисты рекомендовали изолировать пространство куполов. Их снизу отгородили полотном. Но эхо все равно мешало звуковому сопровождению фильмов. Тогда и снесли купола вместе с крестами. Демонстрации фильмов помехи больше не мешали.

Храм принял точно такое же поругание и осквернение, как большинство его собратьев. Я невольно задумываюсь, а не в этом ли - в стремлении к общему страданию, к общей судьбе - и был высший смысл строптивости усть-ишимского храма? Не в этом ли и заключалась его главная служба по сохранению человеческого в душах людских?

Виктор ГОНОШИЛОВ

Фото автора

(Продолжение в следующем номере).

Старинные иконы несли в храм со всего района.

Иногда лучше пешком,
чем на машине.

прикрытием. Свое полотняное жилище на местности ориентировал по окну в задней стенке - оно всегда смотрело на тропинку, по которой пришел. Вход старался расположить поближе к зарослям. Агрессивный чужак не подкрадется к нему - треск ветвей выдаст.

Выбрав взглядом понравившуюся рожицу или большой куст рослого ивняка, я не сразу спускался с дорожной насыпи к облюбованному месту. Снимал рюкзак, опирался на него, демонстрируя всем видом, что остановился на короткий отдых. Внимательно оглядывался. Убедившись, что в поле видимости нет ни машин, ни людей, заходил в лес.

В палатке веду себя как в избе. В избе пусть маленькой, зато уютной. На днище палатки расстилаю пропиленовый коврик. Замечательное изобретение. Садись на него - снизу холодом не тянет. С одного края коврика, на который потом расстелешь спальник, кладешь рюкзак, с другого - ве-

и невысокими всходами. Рыхлая земля глушит шаги. А ты все равно знаешь: кто-то приближается. Невозможно определить: человек или зверь. Шаг всегда редкий и осторожный. Я время от времени поддавался соблазну проанализировать свои ощущения. Вопреки здравому смыслу - готовиться к отражению возможного штурма надо бы, а я пытался понять, за счет чего опять догадался о появлении визитера. Колебания ли почвы ощущаются спиной, когда лежишь на коврике, или так обостряется работа органов чувств, что ты по наитию, по неуправляемому для сознания признакам определяешь приближение живого существа? Или действует мистика: аура зверя вторгается в сферу действия твоей ауры и между ними возникает конфликт? Признаюсь начистоту, источники получения сигнала для меня оставались и остаются загадкой. Утром, весь в сомнениях: а был ли зверь, отправлялся проверять свои подозрения. Был! Вот следы на сырой пашне.

ОТ ХРАМА К ХРАМУ. ПАЛОМНИЧЕСТВО СИБИРЯКА

(Продолжение. Начало в № 1 (947), 2 (948), 3 (949), 4 (950) от 9, 16, 23 и 30 января 2013 г.)

Летом 2007 года омский журналист Виктор Гоношилов преодолел пешком путь от Тобольска до Омска. Год спустя была издана книга, составленная из его путевых очерков. Сегодня с позволения автора мы хотим предложить их с небольшими сокращениями нашим читателям.

ПАЛОМНИК - НЕ ЖЕРТВА

Теперь я точно знаю, поскольку убедился на собственном опыте: все мечты обязательно сбываются. Рано или поздно. В 14 лет я часто мечтал, как однажды темной ночью в грозовой ливень в лесу в одиночестве буду ставить палатку. При этом ни один мускул не дрогнет от страха. Прошло каких-нибудь 36 лет, и мальчишеские грезы превратились в реальность в небольшой рожице у 86-го километра трассы Тара - Омск. Ночь, гроза, палатка. У меня не то чтобы страха, вообще никаких чувств, кроме юмора, не оставалось. И вовсе не от большой смелости или великого ума. Напротив, от примитивизма, так как кислорода в мозгах на интеллект уже не хватало: весь в качестве топлива пошел на обогрев тела. Так я отметил юбилей - 500-й километр своего пешего маршрута. Впрочем, мне есть что вспомнить и кроме дождливых, изматывающих психику, ночей.

Далеко не сразу походный образ жизни стал для меня обычным, и даже комфортным. Помню, дней через пятнадцать пути я так ошалел от ночевки в палатке, что не мог думать ни о чем другом, кроме изобильного тепла вокруг и беленного потолка над головой, когда проснусь. Но кризисная ночь миновала, и я втянулся в походный образ жизни. Главным было вовремя свернуть на стоянку. В походе я отчетливо уяснил: система - ключ к успеху. Установил для себя суровое правило: сворачивать на ночную стоянку в промежутке между десятью и одиннадцатью часами вечера. Давал себе задание к данному времени подыскать место для ночевки. Я искренне хвалил свою дисциплинированность, если успевал свернуть с трассы до полдиннадцатого ночи. В моем положении не утро стало мудренее вечера, а вечер был всемоу голова. Чем раньше раскинешь палатку, тем сытнее и вкуснее поешь, плюс ко всему лучше выспишься. Насколько наберешься сил за ночь, настолько днем будешь готов преодолеть поджидающие тебе препятствия.

Почему в десять вечера я начинал принуждать себя отправляться на ночевку? По простой причине. Боролся с идиллией обилия сил в теле. К девяти вечера уличная жара спадает, а если день дождливый - машин на дороге меньше, организм обретает второе дыхание. Идти легко. Ты уверен, что сил хватит еще на пять-восемь километров. И их действительно хватает на этот путь, но уже не достает, чтобы аккуратно поставить палатку, сменить мокрую от пота одежду на сухое теплое белье, пройтись по телу влажной салфеткой, смазать кремом или антибактериальной мазью ступни ног, залезть в спальник, неторопливо распечатать продукты и с удовольствием поесть.

Старейшая деревянная церковь
Омской области.
Село Екатериновка
Тевризского района.

Нарушить график позволял себе в том случае, когда не находил подходящей рожицы для вечняки на ночь.

Что же требовалось мне от рожицы, чтоб соблазниться раскинуть под кронами ее березок и елочек палатку? Первым требованием являлось наличие надежного укрытия, чтобы густые ветви загромождали палатку от глаз водителей машин, мотоциклов и велосипедов. Одиноким человеком в лесу - прекрасная жертва для негодяев. Мы живем не в идеальном мире. Подонков, желающих поиздеваться над беззащитным человеком, полно. Взрослых на пакость толкает чувство садизма, подростки - тяга к приключениям.

Взяв манерой поведения принцип - паломник - не жертва, без боя не сдамся, я прятался не из страха, а от желания не провоцировать людей с дурными склонностями. Иной, не дай ему повода, до старости доживет не узнав: что внутри-то он подлец. Зачем разочаровывать? Пусть живет порядочным человеком.

Вторым по значимости требованием к выбору рожицы было расстояние до дороги. Чем меньше, тем лучше.

Не каждый раз удавалось найти нужное место. Приходилось мириться, а куда денешься, с тем, что, например, лесополоса из сосен, как в окрестностях Тары, просматривается насквозь. Надеялся на палатку из ткани защитного цвета. Она сливалась с подлеском. Поставив палатку, я обыденные дела старался делать под ее

что не в нем: пластиковые мешки (спасение от дождей) с одеждой, продуктами, запасной обувью. Между этими двумя бугорками - рюкзаком и кучкой вещей - я лягу спать. Тепло - с боков не поддувает - и безопасно. Бродяга ли какой сверху поперек палатки дрынном шандарахнет, медведь ли всем своим весом рухнет - целым останусь. Дробь от шального выстрела, а стреляют в лесах много, до тела не дойдет. Перечисленные здесь опасности многим экстремалам от туризма жизнь укоротили.

Методику партизанской скрытности и постоянной готовности к бою научился применять без всякого стеснения перед самим собой, а мне присуща подобная форма стеснительности. Сначала она меня сильно доставала: «Тоже мне боец невидимого фронта», - неумно подшучивал над собой. Потом маскировку сделал игрой. И дело пошло на лад.

Лежишь вечером в палатке. Чу: шаги. Осторожные, медленные. Не было ночи, чтобы к палатке какой-нибудь зверюга не подходил. В кино звери, как правило, по ночному лесу ходят бесшумно. В настоящей жизни на такие вещи никто не способен. Зеленая травка с легким шумом под ногами гнется, шуршит прошлогодняя листва, опавшие сухие тонкие веточки, перемалываясь под тяжестью ноги, потрескивают. В безветренную ночь лесной настил выдает любое, самое легкое животное.

Бесшумно зверь подходит, когда ты раскинул палатку на краю пашни со свежими

Разумеется, можно пойти на поводу у любознательности и высунуть голову из палатки. А если рядом лиса или енотовидная собака, большая бешенством? Пока молнию палатки расстегиваешь, пока, неловко нагнувшись, голову высовываешь, тебя десять раз покусает и поцарапает. Окажись у палатки вместо большой лисы человек из породы негодяев - еще хуже. Токнет палкой по высунутой голове - и пропадут у тебя к нему все вопросы.

А так, невидимого меня за полотном палатки еще попробуй возьми. Даже если дробовик в руках. У меня тоже руки не пустые. Пневматический пистолет, выкидной нож, газовый баллончик и фонарик первым делом, после застегивания молнии на палатке, вокруг себя раскладываю. На ощупь, закрыв глаза, проверяю точность хватки. Тренируюсь без расслаблений. Проснувшись ночью, срочно определяюсь, на каком боку лежу и с какой стороны оружие. Программу мозгу на несколько просыпаний задаю с вечера.

Вы что думаете, я тепленьким дамся? Ошибаетесь. Сначала, чтобы поживиться или потешить свою душонку, вам меня убить придется или, на худой конец, забить до бессознательного состояния. Просьба о пощаде не ждите. Если и пушту слезу, то обмана ради, чтоб выждать удобное мгновение и наброситься. Издерганный многолетними издевательствами в интернате, был в моей жизни тяжелый шестилетний срок, я однажды дал себе слово: «Пусть меня в драке лучше убьют, чем еще хоть раз соглашусь на унижение». Кто спорит, плохо жить с такой бескомпромиссной установкой, рано или поздно она приведет к трагедии, но лучше трагический финал, чем служить для чужого тщеславия подстилкой. Мне бы еще в городе себя так научиться вести. Цены бы мужику не было.

С ВИНОМ РАЗВЕ ПОМИНКИ? СВАДЬБА

В селе Коренево Тарского района улицы широкие. Между дорогой и палисадами лужки метров по 20 шириной. На них с выводками молодцы пасутся гуси, куры и утки. Я, оберегая разбитые ноги, бреду вдоль дороги по тем же лужкам. Трава мягкая, меньше бьет по воспаленным ступням.

- Не ходи там, - кричит невысокая пожилая татарка, разговаривающая с рослой русской женщиной. - Попадешь в яму. Ноги переломает.

- Нет, этот не переломает, - говорит русская, бросив на меня взгляд много по-видавшей женщины.

- Почему? - недоумевает татарка.

- Сколько ни живу, а ни разу не замечала, чтоб короткие мужики ноги ломали.

В Коренево я заскочил между делом, по пути в Большеречье. Колбаски купить на обед, запастись водопроводной водой на следующие сутки. Задерживаться в селе не собирался. А как уйдешь, если такой наблюдательный народ тут живет.

Полет с обрыва.
Пока родители не видят.

- Вы не подскажете, можно ли в Коренево найти бабушку-долгожительницу со светлой головой, - обратился я к покупателям в местном магазине. - И чтоб общительная была.

- К чему тебе она? - настороженно отреагировали бабы.

- Хобби. Собираю рассказы о старинной жизни.

- Тогда тебе к Волченихе зайти надо, - загомонили сельские дамы. - Не далеко. Второй дом от магазина.

Картина двора ясно выдавала в хозяевах крайне пожилых людей. Рядом с сенцами стояло опрокинутое ночное, как говорят в деревнях, ведришко. И задернившаяся, не истоптанная скотом лужайка в ограде, и чистота травы - ни щепочек, ни железок среди травинки - все говорило о том, что по хозяйству здесь давно не рукодельничают. Сруб разваливающейся бани с выпирающими бревнами из стен тоже извещал о немощи хозяев. Маленькая собачка, важно тявкнув на меня, дала понять, что настоящая хозяйка здесь она.

Изнутри изба, как и ожидалось, встретила чистыми древними половичками и общей опрятностью.

- Ты, милоч, кого ищешь? - полюбопытствовала вышедшая в переднюю из горницы хрупкая бабулька.

- Если вы Мария Волченко, то вас.

- А зачем? Кто тебя звал сюда, милоч? - давая вопросами поворот от ворот, бабка слегка нахмурилась.

«Меня, бабуля, этим не возьмешь», - с иронией подумал я о хозяйке.

- Шоколадку вам принес, - протянул ей завернутый в хрустящую бумагу батончик. Выросший среди бабушек, знаю прямую тропинку к их сердцу. Все, как одна, гостинцы любят. Одинокому пожилому человеку любой знак внимания дорог.

- Хитрый, ты. Старинные пословицы, небось, собираешь. Вчерась двое студентов, один за другим, приходили. Вытурила обоих.

- Нет, старинные пословицы мне не нужны. А о старой жизни, о вашей жизни я бы поговорил.

- Тогда садись. Давненько уж не вспоминала. Не с кем. Почти все подружки перемерли. Боюсь наврать, поди уж забыла все.

Кокетничала по вековой женской привычке старушка. Память у нее оказалась столь великолепной, что мне оставалось лишь поздравить себя с удачей.

Мария Федоровна Волченко родилась 22 августа 1915 года в деревне Баклянке Седелньиковского района. Первые воспоминания связаны с церковью. Православные крестьяне рано приучали детей почитать бога. Еще не умея толком говорить, не умея прочесть молитву, они, перед тем, как сесть за обеденный стол, обязательно должны были перекреститься. Выходя из-за стола - тоже.

Каждое воскресенье Машенька с братьями и сестрами посещала местную кирпичную церковь, стоявшую на веселом месте - на пригорке. Далеко разносился звон колоколов, издали в ясный день сверкала яркой желтизной позолота крестов. Церковь приходилась одна на несколько селений. По утрам каждое воскресенье - и в зимний снегопад, и в осеннюю жатву, и в летний сенокос - в баклянский храм на лошадях приезжали мужики и бабы из соседних Васильевки, Нижней Баклянки, Михайловки. Зимой, когда с работой в крестьянском хозяйстве полегче, в гости к знакомым и родственникам заглядывали. Угощались. В летние и осенние горячие

денечки вели себя иначе: помолвились - да домой скорее.

Сюда же, в Баклянку, на местное кладбище свозили умерших из соседних деревень. Могилку копали в день смерти покойника. Так сложилась традиция: могилка должна была выстояться открытой, подсохнуть к третьему дню, чтоб не тянуло сыростью, когда примет на вечное поселение хозяина. У татар из соседних деревень было заведено по-другому. Как умер человек, ему тоже могилу сразу же копают. Но и похороны устраивали обязательно в тот же день, чтобы провести их до захода солнца.

- У татар по-своему, а у русских - по-своему. Ни плохо, ни хорошо, - подытожила Мария Федоровна. - У каждого свои правила.

Поминки справляли без вина. Упаси господи, чтоб выпил кто-нибудь. Позор на всю жизнь. С выпивкой разве поминки? Свадьба. Это теперь говорят, бабушка весело кого-то передразнила: «Вечный покой, тебе, дорогой человек», - и рюмку в рот. Чуть не до утра гуляют, трезвонят. Какой же тут покой?! Похороненный поди всю ночь в гробу ворочается. Не дают его душе успокоиться.

Раньше православные по-другому умерших поминали. Солнышко зашло - поминкам конец. На новом месте всегда заснуть трудно, зачем человека дополнительно тревожить.

О паломниках же она ничего сказать не могла, не слышала о них ни разу, а вообще странников много разных ходило. Чудные.

будущую сноху или зятя. Да понемногу сталкивались. Девку надо было выдать замуж лет до девятнадцати, в двадцать - поздно, перестарок. Молодые редко сами выбирали суженых. Венчанье без любви, по воле родителей воспринималось законом, устоявшимся в веках.

- А любовь, милый, скажу тебе, была. Была! Еще какая. Как же без любви жить. После свадьбы любовь появлялась. Мы ведь с мужем венчанные. Повезло нам - сумели найти попа. Мало их в ту пору уже оставалось. Про всех говорить поостерегусь, а мы с Василием друг в дружке души не чаяли. Семь детей нарожали. Хотя похорошему я своего мужика только после свадьбы и разглядела. Ушел на фронт - так переживала, места себе не находила. Повезло. Вернулся. После войны вместе жили недолго. Умер от ран. Дня рождения у него не помню. А день смерти никогда не забуду. Третьего июля нынешнего года ровно сорок лет как не стало моего Васи. Мне все кажется, он вчера еще живой по дому ходил. А дети разъехались. Правда, не все. Трое тут остались. Рядом. Сыновья дров поколют, к дочке в баню хожу.

Хотя дрова, рассуждает бабушка, лучше своими руками колоть. Она всего четыре года назад, в 88 лет, сама дрова колоть перестала. Сил мало. Переживает. Нет теперь в ее поленицах красоты. Она ведь дрова как колола? Не торопясь, аккуратно. Полешечко к полешечку, одного размера. Посмотреть любо дорого.

Марии Федоровне Волченко
мне удалось расположить к себе
с помощью шоколадного батончика.

Одеты чистенько, а сами - в лаптях. В Седелньиково никто в лаптях не ходил, только в кожаной обуви. Ночевать просились часто. Кто-то пускал, кто-то нет. Кормили их тем, чем сами питались. Обязательно с собой ужинать сажали, утром в дорогу запас собирали: краюху хлеба, лучок зеленый, малость вареной картошки. Запас, конечно, не мудреный, так ведь задарма, не за деньги. А дареному коню, как известно, в зубы не смотрят. Спать незваных гостей на тулупы укладывали. А блох и клопов - заедали просто. И странники на себе приносили, и в каждом доме своих паразитов хватало. Вокруг кроватей валики из полыни раскладывали, вроде бы ее запаха кровососы боятся. Те все равно кровушку пили.

СВЕКОЛЬНЫЙ КВАС ВМЕСТО КАГОРА

Одновременно в Баклянку всей округой на Троицу собирались. Сходит народ на кладбище, постоит у могилки: родных вспомнят, всплакнет. Потом к церкви подтягиваются. Уж до чего цветисто в Троицу складывалось у церкви, то видеть надо - словами не передашь. На полянке вокруг храма каждая семья свои припасы на лучшие скатерки или самые новые цветные шали выкладывала.

Однако ж и тут спиртное запрещалось. Пили свекольный квас. Вместо церковного кагора. Готовили его следующим образом. Свеклу сварят. Отожмут. В полученный сок добавляют сахар и оставляют бродить. Как отбунтуется в логушках и бочонках, так, считай, питье готово. По крепости что-то вроде бражки, только вкус приятнее.

Тут же, во время гуляний на Троицу, родители для выросших детей приглядывали

- Чегой-то я далеко от старой жизни перескочила, - одернула себя Мария Федоровна. - Не помню точно год, когда нашу церковь порушили. А как сносили - из памяти никто не вытравит. Лет тринадцать или четырнадцать мне в ту пору исполнилось. Всенощную перед пасхой мы стояли. Понаехали охальники всякие: с ружьями вокруг церкви ходят, песни орут, стреляют. Срам один. Сам, милоч, посуди, тут всенощная, они же песни орут.

Всенощную, по словам Марии Федоровны, селяне не прекратили. До конца, как положено, провели. Церковь это не спасло. Вскоре из Седелньикова приехали партийцы храм закрывать. Сход собрали. Попробовали приезжие местных мужиков соблазнить на купола подняться, чтоб кресты сбить. Ни один, даже самый беспутный мужик в деревне не согласился на такое позорное дело. И на угрозы никто не

поддался. Тогда приезжие сами, бугаи здорующие, кресты посшибали. Они сверху кресты на куполах расшатывают, а внизу бабы плачут, проклинают богохульников. В своих проклятиях самые злые кары у Бога просили. Сбылось что или нет, Мария Федоровна не знает. Мужики кресты на землю сбросили, церковь на замок закрыли. Старухи к ним со слезными просьбами: раз церковь рушить, позвольте хоть иконки какие домой взять. Все простим, век Бога за вас молить станем. Не разрешили.

Трудно сейчас вспомнить, какой срок церковь на замке простояла. Неделя, месяц. Кто запоминал? Никто в церковь не залез. Народ другой был. Замок повесили на дверь - смотреть на нее забудь. Позже подводы пришли, на них колокола и весь церковный скарб, до храмовых полотенец, сгрузили. Потом церковь разобрали, кирпич куда-то увезли. Попа из деревни выгнали, в его доме на восемь комнат школу организовали.

После того, как попа не стало, местные старушки принялись самостоятельно молодежь к богу приобщать. Выйдут в теплый день на поляночку, где раньше люди на Троицу собирались, развернут книги молитвенные, толстые книги у них были, и начнут учить молодых жизни. «Как наступят времена, - говорили бабушки, - когда по небу станут железные птицы летать, а девицы будут с лицами бесстыжими, и люди перестанут дел негодных стесняться, а гордиться начнут делами обманными своими, значит, скоро конец света». После того, как одну бабушку милиционеры в тюрьму посадить пообещали, перестали старушки на полянке молодежь просвещать. Каждой хотелось в собственной мягкой постельке умереть.

Что еще помнит Мария Федоровна? Помнит, как деревянная церковь здесь, в Коренево горела. Как-то в мае, уже после войны, послали мужиков печки исправлять. Клуб в помещении церкви был. Мужики не столько ремонтом занимались, сколько самогонку пили. После ремонта стали печи проверять, пожар и приключился. Народ сильно испугался: сейчас вихрем огонь схватится, снопы искр вдоль деревни полетят. Всегда так пожары в сельской местности разрастаются. Зря боялись, ни один дом не пострадал, ведь святое горело, а не обычная изба. Церковь горела как свечка. Все пламя ровнехонько, без гудения, шло вверх. Храм словно таял, оседая венец за венец. Никому в беду тот пожар не стал. Вот что значит - намоленное место.

- Спасибо, миленький, что зашел, - ласково попрощалась со мной Мария Федоровна, когда я, закинув рюкзак на плечи, взялся за дверную ручку. - О старинном поговорили, столько вспомнилось. Так хорошо на сердце стало, будто в молодости год пожила.

И у меня в душе после разговора с Марией Федоровной посветлело. Мало в нашей жизни найдется вещей более приятных, чем общение с добрым человеком. Да и грех мне было на судьбу жаловаться. Редкое везение на мою долю выпало нынешним летом. Сбылось то, о чем давно мечтал. Я, так навсегда внутри и оставшийся деревенским жителем, шел дорогой сибирских паломников, тем путем, по которому до меня прошли тысячи простых сельских баб и мужиков. Неважно одетые и не очень сытно накормленные они, в подавляющем большинстве, подвиг совершали не корысти ради или славы, они терпели муки ради веры своей.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

Поклонный крест
над разрушенной церковью.

Самый длинный пешеходный деревянный мост Омской области. Тевриз.

В моем личном архиве собран достаточно большой перечень загадок самой разной масштабности: от местных краеведческих до вселенских. И самая загадочная среди них - чутье моего спасителя. Как он сумел угадать самый уязвимый для меня участок пути? Так выпал на тот день мой суточный переход, что ни одна из деревень не находилась ближе трех-четырех километров от дороги. А это, учитывая путь туда и обратно, блуждания по незнакомому селу, очередь в магазине, - три-четыре бездарно потерянных утомительных часа. 10-12 километров из моих 30 на день.

ВОДА ВСЕМУ ГОЛОВА

Настоящих ходоков-путешественников я различаю легко: по трепетному отношению к воде. Для настоящего экстремала сначала она, а потом уж хлеб всему голова.

За день выпиваю не меньше пяти литров. С собой же с последней стоянки

взял с места. Мне до сих пор перед ним стыдно. Уж сколько я тот свой грех не заглаживал разными жертвами, а совесть сердце гложет. Тогда же было наплевать, секунды не мог терпеть, чтоб дожидаться мига счастья: припасть к спасительному пластиковому горлышку.

Когда я заходил в село, для меня стало традицией сначала наполнить водой желудок и пластиковые бутылки. Нахожу водопроводную колонку, усаживаюсь на лавочку у ближайшего дома, немного отдохнув, приступаю к созданию запасов воды. Напиваюсь, что называется, до отвала. Потом заполняю три пластиковых бутылки: пару литровых и пол-литровую. Потом снова в чуть освободившийся желудок загоняю, сколько могу, влаги аж ветровка оттопыривается.

- Ишь ты, говоришь, полтыщи километров прошел? - со значительным намеком в голосе, поглядывая на мой выпирающий животик, замечают бабы-малюшки в магазине. - А не исху-у-у-дал!

ОТ ХРАМА К ХРАМУ. ПАЛОМНИЧЕСТВО СИБИРЯКА

(Продолжение. Начало в № 1(947), 2(948), 3(949), 4(950), 5(951) от 9, 16, 23, 30 января и 6 февраля 2013 г.)

ШАШЛЫК НА ОБОЧИНЕ

Когда ты идешь дорогой паломников, то вольно или невольно, пытаешься понять людей, вырастаешь в их шкуру. Сознание автоматически включает ограничения морального порядка. Безобидный флирт с женщиной начинаешь воспринимать как грех. Случайно вырвавшееся слово «черт» - грех. Выработывается терпимость к неурядицам. Появляется четкое ощущение собственного пути. Ты осознаешь, что твоя дорога - это тобой самим выбранный путь. Ковровых дорожек перед тобой никто стелить не обязан. А поначалу меня, признаюсь, заедала обида. Чуть ли не единственный человек на всю Россию торит по-настоящему трудный паломнический путь, а батюшки многих сельских церквей на него ноль внимания. Сперва обиду свою принимал за справедливо окрашенное горечью чувство, но вскоре, слава богу, понял: мои претензии к священникам идут от гордыни. И батюшки тоже люди: у каждого масса прихожан со своими проблемами.

Если же посторонний человек помог тебе, то ему двойное спасибо, потому что он ради тебя на какое-то время сошел со своей дороги. Он принес себя в жертву. Постепенно в твоём сознании вырабатывается чувство жертвенности: тебе помогли - помоги и ты. Вдвойне и втройне. А люди, простые люди, невзрачно одетые деревенские мужики и бабы, часто помогают. Грех на них обижаться. В памяти ярко сохранилась татарка из таежного тюменского села Бегишево. Полная сельская дама в выцветшей повседневной одежде, она попала мне навстречу, когда к кому-то из односельчан со своей стряпней в гости направилась.

- Постой, - притормозила мой ход она. - Возьми вот, - сунула в мои руки с пяток пирожков. - Не знаю куда идешь, но вижу, домашнего не скоро попробуешь.

Правда, чем ближе ты подходишь к Омску, тем меньше ощущается чувство взаимовыручки. Цивилизация виновата. В городе у человека гораздо больше защищенности, чем в маленькой таежной деревеньке. Он реже оказывается в беде, меньше нуждается в помощи со стороны. Чистого пешего пути у меня примерно 22-23 дня (общего, с учетом дней, когда я сворачивал с пути паломников, чтоб писать статьи для газеты, гораздо больше - 38-39 дней). Раньше, на таежных большаках, ежедневно - раз или два - рядом со мной останавливались машины, водители которых по-простецки интересовались: «Мужик, а тебя подвезти не надо?». А за последние несколько дней пути - день перед Тарой и четыре после, остановился лишь один водитель. Встречный. Дальнбойщик. Протянул пластиковую упаковку с порцией шашлыков.

Летом 2007 года омский журналист Виктор Гоношилов преодолел пешком путь от Тобольска до Омска. Год спустя была издана книга, составленная из его путевых очерков. Сегодня с позволения автора мы хотим предложить их нашим читателям.

Для экстремала-путешественника не хлеб, а вода - всему голова.

- Друг, я тебя уже вторую неделю на дороге вижу. Молодец. Возьми, порадуешь себя, а то когда еще до шашлыков доберешься.

Поговорили: лес из Тарского района в Омск возит. Зовут Николаем Сальниковым. Спокойный русский мужик, лицо - открытое, без напряжения. Естественная мимика не обеспокоенного собственным имиджем человека. Таких хороших, по-человечески, лиц я в Омске давно не видел. Да и сам, к стыду своему, давно уже не такой. Давно хожу в маске. Во всем обвиняю свои пятьдесят лет. Человек с годами становится скрытным не от мудрости, а от накопленной с возрастом подлости. Может быть, данное правило в той же мере относится и к цивилизациям в целом? Они, о существовании которых сейчас напоминают лишь учебники истории, гибнут вовсе не от сильных врагов или экологических проблем, как принято среди ученых считать до сих пор, а от повального отравления душ собственного населения подлостью и неискренностью. Вчитайтесь повнимательнее в страницы монографий и вы увидите, как сильно, к сожалению, я прав, потому что мы представители как раз такой цивилизации. И если она еще на ком-то держится, то на таких вот, как этот дальнбойщик, не испорченных офисным карьеризмом. Он спас мой проект от гибели, а меня от больницы.

- У километрового столбика с цифрой «145» пошуруди в траве. Там бутылка минералки для тебя лежит.

уношу два с половиной литра живительной влаги. Надо бы больше, да рюкзак тяжел, ноги разбиты - вес экономить на каждом грамме. Методика пополнения водных запасов у меня отработана до совершенства. На карте за день вперед отмечаю для себя село, которое стоит ближе всего к дороге или даже прямо по которому, это идеальный случай, проходит автотрасса. С учетом расстояния и личной скорости планирую расход воды на следующий день. Бывало, утром не умывался. 100 граммов воды в жаркий день дороже чистого лица.

Как-то наметил для пополнения запасов село Эбаргуль Усть-Ишимского района. Если верить карте, он стояло у самой дороги. Из последних сил дотянул до дорожного знака, а он указывал, что до села вбок три километра. Меня сразу зашатало. Тут же, случаются все же чудеса, рядом остановились «Жигули».

- Вам плохо? - поинтересовался обнаженный по пояс молодой парень, водитель машины. Рядом с ним, на сиденье, лежали две бутылки газировки.

- Воды, - прохрипел я.

- Возьмите, - он протянул непочатую бутылку газводки.

Я знал, надо расплатиться. Для подобных мелких покупок у меня в боковом кармане туристической развески всегда лежала сотня рублей десятками. А тут в карман не полез даже для вида. «Уезжай, уезжай», - взмолилась душа. Парень словно услышал крик моей души, газанув, резво

- Мои хорошие, так ведь настоящей-то работы нет. Один же сплю, - шуточно жалуюсь на жизнь. В ответ веселый хохот.

Меня за шуточный тон, по которому видно, что тоже деревенский, тут же принимают в свои. И нет больше сомнений в моей правдивости и в том, что я на своих двоих действительно отмантулил полтыщи километров. Удивляться, но верят. А удивляться есть чему. Сейчас в соседнюю деревню за пять километров пешком никто не пойдет.

Свой организм, попав в магазин, балую. Даю ему полную оттяжку. Пусть пьет и ест чего душе, в смысле желудку, хочется. Давно знаю, тело, говоря точнее, подсознание, нашу животную часть, нельзя насилловать все двадцать четыре часа в сутки. Чем выше нагрузка, тем с большей лаской при удобном случае надо относиться к нему. Иначе безжалостно мстит в самый ответственный момент. Скажем, до гостиницы остается три километра, а организм ногами, даже под угрозой расстрела, двигать отказывается. Поэтому в магазине кроме обязательных хлеба и копченой колбасы покупаю сок, газировку, немного конфет и пряников, пару яблок, иногда - маленькую баночку маринованных огурцов. На кислое тянет как беременную женщину на соленое. Видно, в организме при высоких физических нагрузках происходит сдвиг кислотно-щелочного баланса. Желание попить кефирчика обычно появляется на третий день пешего пути. В сельских магазинах он редко встречается. Почти в каждой семье корова, кто ж на магазинную простоквашу деньги станет тратить. По полной отрываюсь в райцентрах.

Кефир, когда терпеть не могу, заменяю маринованными огурцами. У них, впрочем, есть существенный недостаток. Много соли, которая требует много воды. Для меня вода - важнее всего. Перенесу дождь, холод и голод, а жажду не смогу.

Рекомендаций, как правильно пить воду в жару, издано миллионы. Полмиллиона из них я прочитал. Ничем не помогли. Есть умники, которые пишут, что человек почти всегда должен обходиться примерно 2,0-2,5 литрами воды в сутки, в которые входит и влага супов и каш. В жару, добавив к норме с литр, тоже не стоит распускать себя. Лучше терпеть. Первые ощущения о жажде человек получает от сухости во рту, а ее не надо бояться. Организм боится: до начала процесса обезвоживания остается еще двадцать-тридцать минут. Достаточно прополоскать рот, чтоб избавиться от мнимых признаков жажды.

Загнать бы тех умников, что пишут подобные инструкции, на день под палящее солнце, посмотрел бы я на их борьбу с ощущением мнимой жажды. В лабораторных условиях, где проводится опыт, терпеть легко: подопытному никто не даст умереть или даже потерять сознание от недостатка влаги, от солнечного удара. Когда же человек один в дороге и до ближайшего источника десять километров пешком по

**Самый
старый
храм
в Омской
области.
Тара.**

жаре, ополаскиванием рта проблема не снимается.

Есть рекомендации на сто восемьдесят градусов противоположные первым. Их авторы утверждают, что водой надо напиваться вволю при первой подвернувшейся возможности. Таков опыт армии США. Я так и поступал. Литров пять, как минимум, за день точно выпивал. Что для хода тоже не лучший выход. Груз, даже если он в животе, все равно груз. В себя можно насильно загнать два-три литра воды. И каков результат? Начинаешь быстрее обычного уставать, появляется слабость изнутри. Поэтому лучше всего пить в меру. Только на дороге эта задача непосильна. Потому что у каждого человека мера своя.

Еще в детстве заметил, что разные люди по-разному нуждаются в воде. Я ж на сенокосе, как большинство сельских пацанов, работал рядом со взрослыми мужиками. Специально, чтоб за хвастуна не приняли, уточняю: не наравне, а рядом. Парнишки на лошадях копны к зароду подвозили, а мужики стога метали. Видел, как некоторые из них к фляге с водой через каждые 20-30 минут бегали. Иногда мужик стеснялся окружающих, скажут про него (и говорили, кстати, шуточно, но всерьез), что меньше работает, чем у фляги торчит. Молва деревенская как серная кислота ест, все ее боится. Давит мужик в себе жажду, давит, а она его в конце концов побеждает. Другие же от завтрака до обеда не пили. Не лодыри, вкалывали наравне с остальными.

Я из первых буду - водолюб. Без воды - не боец и не работник. Со временем понял, что у каждого организма своя потребность во влаге. Тут силой воли проблему не решишь. Просто ты должен учитывать особенности своего тела и быть готовым к его запросам.

ЮЖНЫЕ КОМАРЫ ДОБРЕЕ СЕВЕРНЫХ

Накручивая километры с севера на юг Сибири, вижу, как меняется природа. Больше становится солнца, светлеет дорога, леса раздвигаются. Интересно, что за Липовкой Знаменского района лип уже почти не остается. А примерно у границы между Тевризским и Знаменским районами заметно мельче становятся в размерах комары. За Знаменкой их уже заметно меньше и по числу. А в Усть-Ишимском районе комары самые большие на территории нашей области. И самые смелые. Атакуют полчищами, от взмахов руки с тела не поднимаются. Инстинкта самосохранения лишены почти начисто. Там в тайге, на дорогах, мало субъектов, у которых кровь сосать можно. Население редкое. А без капельки выпитой крови потомства не дашь. Станный факт: в таежной округе, где совершенно нет химических запахов, комары должны бы за километр бежать от ароматов репеллентов, а они на них внимания обращают мало. Видимо, по той же причине: потомство надо дать - все остальное второстепенно. Комары же лесостепи, в противовес своим северным собратьям, и размером заметно меньше, и жизнь свою берегут больше и на репелленты реагируют чутче.

Чем ближе к Омску, тем меньше проблем с комарами, проблема же, где натянуть платку, по-прежнему остается. На севере ее трудно укрыть от чужих глаз из-за обилия болот. Короткий промежуток между Знаменкой и Тарой в Омской области - почти

идеальное место для бивуака - березовые колки стоят рядом с дорогой. Сотня шагов в сторону от шоссе - и ты надежно спрятан. Ближе к Большеречью снова возникают трудности. Придорожные лесные полосы и рощицы редкие, просматриваются насквозь. Но нет худа без добра. Земля хорошо прогрета, в палатке ночью не дрожишь в бессоннице от холода, а спишь.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

По направлению с севера на юг меняются не только люди и природа, меняются храмы. Например, Усть-Ишимскую и Знаменскую церкви можно смело сравнивать с выставками старинной иконописи. В этих православных храмах среди икон современных мастеров очень много икон деревянных, старинных. А вот в Тарском храме старинные образа, их около полудесятка, теряются среди современных. В советское время в Таре жил перекупщик икон. Деревянные православные иконы он отправлял в Прибалтику за очень хорошие деньги, цена порой достигала стоимости автомобиля. Из Прибалтики православные иконы уходили на Запад. Видимо, по этой причине всего одна старинная икона, причем выполненная на картоне, находится в Большереченской церкви.

**Крепостные укрепления г. Тары.
Новодел.**

Усть-Ишимский храм, внешне основательный и коренастый, закален испытаниями. Он был построен в 1906 году, поэтому испытал на себе все, что выпало на судьбу православия. Почитание, гонение и новый восторг. Знаменский же храм молод, ему нет еще и десяти лет. Он свеж, строен и, кажется, даже хрупок, как подросток. Он чист и наивен. Он пока еще не сталкивался с человеческой подлостью, когда вчерашние почитатели проходят кувалдой по куполам и колоколам. Кстати, Знаменка свое название получила в честь первого чудотворного образа Сибири - в честь Абалакской иконы Божьей Матери «Знамение».

Усть-Ишимский и Знаменский храмы я бы отнес к категории музеев человеческой чистоты, простоты и доброты. Именно это роднит их в первую очередь. В Усть-Ишимской церкви собраны иконы, которые находились в храмах, позже разрушенных людьми. Кто-то храмы рушил, а кто-то, рискуя свободой, иконы из них собирал и ставил в домашние божнички. Пришли другие времена, и иконы снова стали храмовыми.

В Знаменском ситуация иная. Здесь в храм несут семейные образы, которые передавались из поколения в поколение. Несут праздничные рушники, которые были вышиты прабабушками для приданого. Этими старинными рушниками обрамлена каждая старинная иконка. Такова традиция. Не скажу про другие районы, не обращал внимания, но в Знаменском домовые божнички - красный угол дома-пятистенника - испокон веков принято обрамлять цветастыми, в красной вышивке, рушниками и занавесками. Знаменский храм подомашнему уютен. Деревен-

ские скамеечки, полочка с книжками. Все тревожное уходит из сердца. Обстановка влияет не только на души человеческие, но и на иконы. Молодеют. Сейчас здесь обновляются две иконы: Введение во храм Пресвятой Богородицы и икона Святой великомученицы Варвары.

В свое время обновление икон несущей волновало советских ученых. Оно сильно подтачивало основы атеизма. Висит в какой-нибудь сельской церквушке потемневшая от вековой давности икона, ни одного лика не разглядишь - и вдруг заиграет прежними красками, словно только что вышедшая из мастерской иконописца. Народ к ней из самых дальних мест валом валит. «Чудо, - перешептывается пришедший в церковь люд, - пророчество. Если иконы молодеют, значит, вера не умрет».

Надо сказать, что раскрыть секрет обновления икон советская наука так и не смогла. Силы неба оказались сильнее самых передовых исследовательских методов.

Меня искренне радует бескорыстие людей, несущих иконы в церкви. Однако небольшой червячок неудовольствия сердце при этом тревожит. Он у меня появился еще в Абалаке, когда я брал интервью у старейшей жительницы села Анастасии Соболяковой. Она расска-

но почему никто не сохраняет имена тех, кто бескорыстно послужил церкви в те же времена: сохранил старинную церковную утварь, сберег православные образы. Многие, отдавшие иконы в храмы, могли продать их за хорошие деньги. Но не продали. Дело даже не в деньгах.

Люди, неся семейные иконы в храмы, отдают не только материальные ценности, не только частичку своей души, они отдают большее - часть цепочки, связывающей поколения в единое целое, семейные обереги. И за это им платят забвением?

Неправильно. На мой взгляд, в каждом храме должен быть список не только спонсоров-благодетелей, но и тех, причём отдельным листом, кто безвозмездно несет в церковь духовное наследство предков. Если оценить в рублях, то порой и материальная ценность такого дара, старинной деревянной иконы, по сумме превосходит десятки спонсорских отчислений.

Одна из подобных икон, кстати, находится в Тарском Спасском соборе. Ее принес простой сельский житель. Передавая ее настоятелю церкви, протоиерею Роману, поставил условие. На мой взгляд, странное. Не трогать ее. То есть оставить в таком же виде, какая она сейчас. Не реставрировать.

Увидев эту икону, я ахнул. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Старинный список Абалакской чудотворной иконы Божьей Матери! Сама чудотворная икона была утеряна после закрытия монастыря в 1924 году. Неужели она?

Я не специалист в иконописи. Мне вообще сложно судить об иконе по одной простой причине. Я иду. У меня нет возможности залезть в Интернет, покопаться в литературе, узнать размеры иконы, ее характерные особенности. Мне просто хочется, чтоб нашлась икона, которая была самой почитаемой в Западной Сибири.

История же находки выглядит очень странной. Мужчина приехал в гости к знакомым в деревню Заливино Тарского района. Заглянул зачем-то в сарай. А там, вот она, икона Абалакской Божьей Матери. Одна из самых редких на сегодня в православном мире. Ее старинные списки по пальцам можно перечесть.

Тут сразу же возникает множество вопросов. Почему икона, пролежав в сарае десятки лет, испытав на себе ежегодные перепады температуры и влажности, осталась целой? Лишь чуть-чуть пострадал нижний край. Почему ее в наше, снова очень религиозное время, хозяева держали в сарае? Пусть они атеисты. Почему тогда не продали? Сегодня за старинную иконку любой интеллигент, с самой маленькой зарплатой, готов залезть в многолетнюю кабалу. Только чтоб она висела на стене его квартиры. Для сельского жителя, не избалованного высокими доходами, чрезвычайно выгодная сделка. И зачем гость сунулся в сарай? Ведь не принято.

И еще. По краям иконы остались кусочки тканной обивки. Мне показалось, парчи. Откуда она на обычной крестьянской иконе? Еще одна деталь. Село Абалак Тюменской области и село Заливино Омской стоят на берегу Иртыша - великой транспортной артерии Западной Сибири. Может быть, иконку принесли паломники, а может быть, ее отправили подальше от Абалака специально. Чтобы спрятать.

В общем, вопросов куча. Копать да копать. Почему же тогда автор материала сам все это не раскопал, спросит въедливый читатель. А потому, что когда он увидел эту иконку, то сначала только млеет от восторга. Когда же мление прошло и в голове стали рождаться вопросы, он уже топтал своими кроссовками трассу Тара - Большеречье.

Однако и после прибытия в Омск оказалось не так просто открыть истину. Иконопись - высокое искусство, оно дилетантам не подвластно. Все, что я сумел установить, сличая изображение тарского образа с репродукциями в монографии «Сибирская икона» (Омск, 1999), подобные списки Абалакской иконы Божьей Матери датируются второй половиной XIX века. Словом, не по мне задача.

Икону, обретенную храмом древнего сибирского города, должны изучать профессионалы. Рядовому журналисту вся ее глубина не откроется.

**Список Абалакской иконы
в Тарском храме.**

Виктор ГОНОШИЛОВ

Фото автора

(Окончание в следующем номере).

Перед последним переходом.

плечами. Раскинуть же палатку негде. Пойдет территория нефтезавода. К городу, переправившись на пароме с левого берега Иртыша на правый, я приближался со стороны Красноярки. Требовалось пойти на рывок. Это как последний, решающий штурм войны, когда потерь не считают. Потому что сбереги сейчас сотню жизней, но не добейся победы, потом придется положить тысячи. Мне было жаль вещей, я с ними сроднился, как с живыми. Но ситуация требовала решительности. И я совершил подвиг, перешагнув через душевные мучения. Ни один сторонний человек этого не поймет. Это надо пережить.

Я их не выбросил, я их закопал. После моих привалов никогда не остается ни одной соринки. Сжигаю или закапываю. И пусть почва в рощице, где мне пришлось ночевать, была сплошь из-за близости города

Противоречие давно установившимся правилам, конечно, было. Я же шел не из Омска в Абак, где когда-то находилась первая чудотворная икона Сибири, а затем в Тобольск, где стоит старейший в Зауралье православный храм - Софийский собор. Моя дорога лежала в обратном направлении - от Тобольска и Абакла к Омску. Но это не является нарушением канонів, поскольку обет на преодоление того или иного пути - это личный выбор человека.

Я искренне благодарен коллективу газеты «Омская правда», поддержавшему идею похода, хотя сотрудник выбывал на месяц-полтора в самое напряженное, отпускное, время. Вполне логично, что свой редакционный проект мы посвятили открытию восстановленного Успенского кафедрального собора. Протягивалась почти осязаемая ниточка от прошлого Сибири к ее настоящему, подтверждая единство истории, страны и нашей малой родины, называемой Прииртышьем.

После 1924 года, когда из храмов Абаклакского монастыря выбросили все иконы, сибиряки больше не паломничали. Не паломничают они и сейчас, когда монастырь вновь открыт. Слабо современному человеку прошагать хотя бы сотню верст. Ни в тобольских храмах, ни в Абаклакском и тюменских монастырях никто не мог вспомнить ни одного случая современного пешего паломничества. Никто!

А сохранилось ли хоть что-нибудь в устных воспоминаниях о паломничестве дореволюционной поры? Как ни странно, немало. Но через пять лет практически ничего не останется. Носителям исторической памяти сегодня по 85-90 лет.

Кладезь информации - жительница села Абаклак 84-летняя Анастасия Ивановна Соболевникова. Сама она паломников уже не видела, но хорошо помнит рассказы родителей. И в тех рассказах есть упоминания об омских бабах, которые в Абаклакский монастырь приходили с двумя парами чирков.

ОТ ХРАМА К ХРАМУ. ПАЛОМНИЧЕСТВО СИБИРЯКА

(Окончание. Начало в № 1(947), 2(948), 3(949), 4(950), 5(951), 6(952) от 9, 16, 23, 30 января, 6 и 13 февраля 2013 г.)

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ. ОН ВАЖНЫЙ САМЫЙ

У метромоста на Красном пути какая-то женщина удивленно уставилась на меня. Я сразу же закрыл лицо руками. Проскочил побыстрее мимо, вытер слезы и устремился к ближайшей скамейке у библиотеки имени Пушкина. Я забыл, что нахожусь в миллионном городе, а не на автомобильной трассе, где можно в удовольствие поплакать от жгучего и болезненного восторга: «Я дошел!». Из общего 900-километрового пути примерно 720-740 километров преодолел пешком. Миллион шагов. А если учитывать все мои заходы в села, ответвления от маршрута, то получится процентов на тридцать больше. И почти все мои шаги - шаги с болью. Ноги я разбил, не пройдя еще первых 50 километров. Виной стали дороги, уплотненные гравием.

Слезы на моих глазах начали появляться с десятого июля, когда вышел из Саргатки, когда стало понятно - пешего пути до Омска остается три-четыре дня. Доползу, если придется. В горле першило, а глаза щипало от слез едва представлял, как склоню голову перед новыми куполами Успенского собора, как перекрещусь и как произнесу всего три слова: «Спасибо тебе, Господи». Мои слезы не были выражением горести, гордыни или, не дай Бог, сожаления. И не от боли я плакал. Из меня выходило напряжение от опасностей пути, скопившиеся не выплеснутые стрессы, одичание от одиночества и, конечно же, восторг: «Я сделал это!». Повторил путь дореволюционных сибирских паломников, которые шли в Абаклакский монастырь к местной чудотворной иконе Божьей Матери «Знамение». В новейшей истории Сибири, насколько мне известно, этот путь пешком никто не проходил.

Двенадцатого июля, в тот день, когда планировалось завершение похода, я одним действием совершил подвиг и предательство сразу. Проснувшись в пять утра и чуть понежившись, прежде чем покинуть теплый спальник, я из рюкзака выбросил половину вещей, которые находились со мной от Тобольска. Полтора месяца общего пути. Каждая из них помогала мне как могла. Старомодный болоньевый плащ защищал от дождя, салоги позволяли преодолеть грязную дорогу, лекарства спасали при простуде и травмах, запасные рубашки согревали холодными ночами. А я их выбросил. Предатель!

До Омска оставалось 36 километров дороги. Ровно 12 часов хода при моей отработавшей неделями скорости. По опыту знал: с обычно нагруженным рюкзаком больше 32-34 километров не одолею. Два-четыре километра мелочь для тех, кто не ходил из последних сил с туго набитым рюкзаком за

Летом 2007 года омский журналист Виктор Гоношилов преодолел пешком путь от Тобольска до Омска. Год спустя была издана книга, составленная из его путевых очерков. Сегодня с позволения автора мы хотим предложить их нашим читателям.

покрыта мусором, я однако ж все, что осталось после меня - пустая консервная банка, мешок из-под хлеба, старые вещи - закрыл дерном в неглубокой ямке. Свинство других на моих убеждениях не сказывается.

Наполовину облегченный рюкзак и близость Омска действовали тонизирующее. Шагал почти без отдыха. Расслабился, когда в пять вечера, преодолев полгорода, с улицы Березовой вышел на Красный путь. А к моменту встречи с «Пушкинкой» растекся окончательно. В голову почему-то полезли претензии провинциала к столице.

Это чувство во мне давно сидит. Меня постоянно гложет обида из-за недооценки духовной значимости Сибири. Читаешь сборник о святых местах Руси, а в нем ни одного упоминания о наших краях. Та же картина с перечнем известных православных храмов. То же самое в полной мере относится практически ко всему, что связано с естественной тягой человека к интересному и загадочному. У нас же подобных мест не меньше, чем в европейской части страны. Мне неприятно слушать, как омич хвалятся поездками по святым местам Киева, Костромы или Москвы, а где находится старейший храм Омской области не знает. Не назовет и самую почитаемую среди сибиряков чудотворную икону.

И про паломничество в Абаклак ни в научной, ни в художественной литературе почти нет упоминаний. Мне хотелось собрать хотя бы те крохи, что сохранились, и самому прочувствовать - что такое паломничество.

Здесь не было желания присоединиться к чужой славе. Если кто-то думает иначе, тот ошибается. Главная заслуга в восстановлении храма принадлежит вполне конкретным людям. Нынешний Успенский собор (открыт 15 июля 2007 года. - Прим. автора) их личный духовный подвиг. А каждый человек, да и коллектив тоже, должен сам, как скульптор, ваять собственную судьбу, а не собирать ее, отщипывая кусочки от чужих достижений.

Мне было легче, чем дореволюционным паломникам, но не легко. Мой ежедневный путь обычно составлял от 28 до 32 километров. Средняя скорость с рюкзаком за плечами - три километра в час. Идти с большей скоростью по 10-12 часов каждый день невозможно. Больше того, случались дни, когда я за светлое время суток преодолевал всего 12-15 километров пути. Иногда мешала грязь, иногда боль в разбитых ногах.

Я до всей глубины души, до самого ее доньшка, заужал старинных паломников, признававших только пеший ход. А ведь среди них подавляющее большинство составляли женщины. Скажем проще, бабы - обычные безграмотные крестьянки. Они в отличие от меня не имели кроссовок с набором стелек и сапог на смену, шли в чирках - самодельной обуви, напоминавшей нынешние галоши.

Одна пара - на ногах, другая - в котомке за плечами, чтоб в храмы заходить в новых, нестоптаных дальней дорогой.

А по словам пенсионерки села Загваздино Усть-Ишимского района Омской области, практически каждый житель территории, которая сейчас входит в Усть-Ишимский район, в дореволюционные времена хотя бы раз, но совершал паломничество в Абаклакский монастырь. Дело чести. Потому что относительно близко. «Всего» 200-300 километров.

В Тевризском же районе поездка или пеший ход в Тобольск и по пути - в Абаклак, как говорит бывшая сотрудница музея Галина Щитова, не принималось за паломничество. Тевриз основали выходцы из Тобольска. Родственные связи сохраняются до сих пор. Люди считали, что они просто ездят или ходят в гости.

Интересную историю услышал в Тарском районе. Одна женщина, в благодарность за избавление от болезни, дала обет сходить в Абаклакский монастырь к чудотворной иконе. Не получилось. Она свой обет по наследству передала дочери. Та тоже не сходила и передала его своей дочке. Последняя, уже ставшая пожилой, тоже не сходила. И передать наказ некому. Для нее - трагедия.

А жители Большееречья паломничали в Тару. К старейшему в нашей области храму - Спасской церкви, открытой в 1765 году. Она до сих пор стоит.

В Саргатском районе мне рассказывали, что один дедушка водил слепую племянницу в паломничество в Киев. Весной, когда уходили, она держалась за край его рубашки. Осенью, когда вернулись, шла самостоятельно. На мой взгляд, ходили они все-таки в Абаклак. На паломничество в Киев и обратно сибирские мужики тратили два-три года. Кроме того, считалось, что наибольшие надежды на выздоровление глаз давало именно паломничество к чудотворной Абаклакской иконе Божьей Матери.

Попутно замечу, что генетическая память в нас крепко сидит. Почти во всех храмах от Абакла до Омска есть иконы Абаклакской Божьей Матери. Правда, все они, за единственным исключением, кроме иконы в Тарском храме, выполнены современными иконописцами.

Мы - люди мирные, но самоходки в райцентрах стоят. Саргатка.

- Этот будет пятым, - сказал я про себя, взглянув на старинный монастырский комплекс, расположенный неподалеку от саргатского автовокзала.

Я считал, сколько дореволюционных храмов сохранилось в нашей области по пути от ее северной границы до Омска. До Саргатки насчитал четыре. Всего четыре. На пятьсот с гаком километров. Для сравнения - в одном небольшом Тобольске их, храмов дореволюционной постройки, - 16. И еще четыре старинных храма на 30-километровом пути от Тобольска до Абалака, села, где расположен Абалакский мужской монастырь.

К своему удивлению, после того как мне об истории храма рассказала местная прихожанка Ирина Федоровна, узнал, что комплекс относительно молод. Ему примерно полвека, то есть постройка социалистических времен. Он весьма оригинален по своему происхождению.

В Советском Союзе в помещении обезглавленных храмов было принято устраивать клубы. Стены теплые, площадь большая, акустика хорошая - чего еще желать. И обязательно стоит на веселом месте. Интересно, что определение «веселое место» в некоторых деревнях вошло в состав сельских топонимов - и оно всегда обозначает то

- Даже странно, что вам это не понятно. В офицеры и священники идут люди одного склада характера - люди долга. Говоря проще, патриоты. А в армии места сейчас мало.

С подачи батюшки я побывал в окрестностях, возможно, одного из самых священных мест Омской области. Там, где по земле ходила сама Богородица. Это неподалеку от деревни Тамбовки Саргатского района.

История такова. Молодая девушка, по имени Екатерина, позже она станет монахиней Евгенией, в военные сороковые была послана на работу в село. Однажды, срезая путь к соседней деревне, решила пойти не по дороге, а по березовой гривке. В это же время что-то кольнуло в сердце матери, она почувствовала, что дочери угрожает опасность. Начала просить у Богородицы помощи для дочки (встретившись через день, мать и дочь сопоставляла время).

Когда девушка подходила к гривке, то увидела, как на землю вроде бы спустилась (или так показалось?) женщина и пошла ей навстречу. «Цыганка, - подумала Екатерина. - Босая, юбка длинная, до самой земли. Из русских никто такие уже не носит». Женщина, подойдя к девушке, взяла ее за руку и заставила вернуться на дорогу.

- Волки в березняке ходят, - объяснила она.

Позже девушка узнает свою спасительницу, увидев ее лик на Владимирской иконе Богородицы. В березняке действительно находились волки, только двуногие. Дезертир жил в вырытой им землянке. Имелась у него помощники из числа местных родственников. Они не гнушались разбоем и насилием.

Сейчас место встречи Богородицы с будущей монахиней Евгенией признано особо почитаемым. Здесь установлен поклонный крест. В Тамбовке завершено строительство часовни, посвященной Владимирской иконе Богородицы. Автор этих строк, постоявший рядом со святым местом лишь несколько минут, дал обет, что если его путешествие завершится благополучно, то обязательно совершит паломничество от стен Успенского собора до поклонного креста Богородицы. Но не в качестве журналиста, а как обычный православный. В свой законный отпуск. И в одиночестве. Чтоб никто не мешал всей душой почувствовать святость места.

Поклонный крест у села Тамбовка. Здесь, согласно преданиям, сама Богородица ходила.

ха: мозг если и думает, то не о высоком, а о земном. Дорога паломника должна быть ясна, проста и физически не тяжела, чтоб не мешать мыслям. Многое открывается в дорожных раздумьях.

У меня на душе, задолго до похода, часто скребли кошки. Я не знал, как трактовать многие понятия в православии, как вести себя в соответствии с ними. Например, что такое грех? Не только в поступках, но и мыслях. И каков наш господь - суров или милостив? Не помянуть его всуе, или, напротив, нести в сознании постоянно - как говорится, без Бога - не до порога? Мучили и вполне земные вопросы. Допустим, почему в конце двадцатых и начале тридцатых годов прошлого столетия деревенские мужики, крещенные, из верующих семей, с размахом и удалью сбивали кресты и купола с сельских церквей? Да сразу и не вспомнишь все вопросы и сомнения, что царапали мне душу. Многие из них, решенные, тривиально забылись, потому что больше не тревожат. Не тревожат и те, что перечислил. Нет больше сумерек сознания - ясность наступила.

ИЗ ОФИЦЕРОВ В СВЯЩЕННИКИ

Хотя часто богословские размышления приходилось откладывать - требовалось моментально реагировать на внезапно возникающие житейские задачи. Да и не только житейские.

Мне оставалось километров пять до Ингалов, сельской шашлычной столицы нашей области. Размечтался о предстоящем мясном пиршестве. За реальностью следить перестал. Неожиданно услышал шипение вперемешку с хрипом. Бросил взгляд под ноги - и застыл от страха. Сантиметрах в шестидесяти на кусочках мелкого гравия, что обычно рассыпан вдоль края асфальта, танцевала змея. Я шел по краю дороги. Черное гибкое тело было готово к броску. Мне впервые пришлось увидеть атакующую гадюку. И вовсе она не в петли свита, а скорее напоминает срубик игрушечного домика. На двух нижних венцах подпрыгивает, словно на ногах. Пыль вьется. А те звуки, что принял за хрипы, были скрипом гравия, на кусочках которого танцевала змея.

- Фотоаппарат в рюкзаке, не дотянешься, - с глупым сожалением подумал я.

Прозрение же о том, что стоило шевельнуть рукой - змея бы молниеносно развернулась в летящую ленту, мне в голову пришло намного позднее. Но все же хватило ума медленно отходить от наступавшей на меня ядовитой дамы. Постепенно расстояние между нами увеличилось метров до двух. Черный срубик распался; змея, струясь тонким телом между зелеными былинками, зашепила в придорожную траву.

Это была не первая моя встреча со змеей. Они по утрам выползают из холодной травы на асфальт. Зачем? Чтобы погреться, асфальт после восхода солнца быстро становится горячим. Но атакван был в первый раз. До этого случая змеей не боялся, а в следующие пару дней обходил даже черные шланги, которые в изобилии валяются на обочинах дорог.

Отправляясь из Большеречья в сторону Саргатки, я сильно грустил, считая, что в Саргатке вряд ли найду интересный материал. Омск рядом, здесь городскими журналистами все окрестности «вылизаны».

место, где раньше располагалась православная церковь. Так вот, Саргатский монастырский комплекс, который включает в себя два православных храма и часть служебных помещений монастыря, размещен в районном клубе, построенном в пятидесятых. Ближе к концу двадцатого века в райцентре появился новый дворец культуры, а прежний клуб передали православной церкви. Местный батюшка, отец Серафим, за те шестнадцать лет, что служит в районе, с помощью различных пристроек прямоугольное каменное здание превратил в классический православный храм. По архитектуре он от дореволюционных церквей почти не отличается.

Интересна судьба и самого батюшки - иеромонаха Серафима. В прошлой мирской жизни служил офицером в космических войсках. У него за плечами военная академия. Глядя на то, как батюшка управляет своим «жигуленком», начинаешь подозревать, что у России уже имеются боевые космические корабли. И один из специалистов по их пилотированию находится рядом с тобой. Сразу заметно, тесно человеку на дороге и страшно не хватает скорости. Батюшка по натуре человек мягкий, не чуждый склонности к дискуссиям и рассуждениям. Спорить с ним интересно, но трудно. Начитан. Просто горстями сыплет цитаты из произведений великих православных мыслителей. Всегда готов объяснить трудное место из Священного Писания. Не чурается и дать оценку, почему тот или иной поступок человека, внешне совершенно безвинный, не вполне соответствует православным канонам.

- У нас батюшка хороший. Мы батюшку сильно любим, - слышал я не раз предостерегающие слова, высказанные в стиле Эзопа. Мол, вы, журналисты, такие-сякие, только попробуйте тронуть его.

Поскольку отец Серафим не обидчив и на вопросы отзывчив, то я не удивился от того, чтобы не выяснить одну давнюю волнующую меня тенденцию в православии.

- Скажите, батюшка, почему среди российских православных священников так много бывших офицеров?

СПАСИБО ТЕБЕ, ГОСПОДИ!

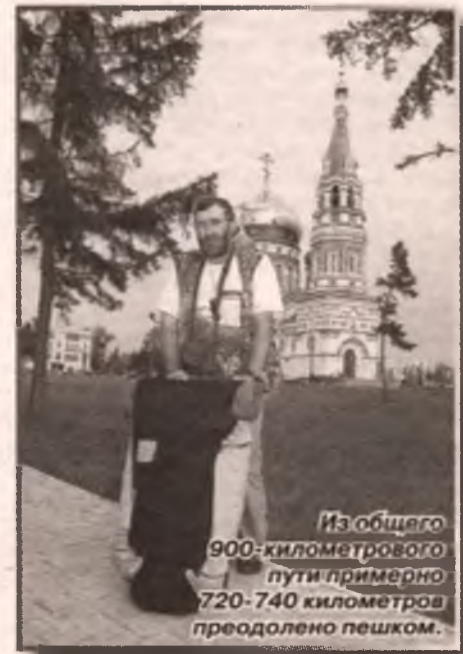
Я не забывал о своем обещании на всем оставшемся пути к Омску. Я помнил о нем и когда шел по Омску, и когда до только что отстроенного Успенского собора оставалась сотня метров (через год я побывал у поклонного креста на том святом месте. - Прим. автора).

Приблизившись к храму, честно говоря, думал, расплачусь. Но кругом ходили люди. Ты, единственный с большим рюкзаком, одно или невольно привлекаешь к себе внимание. В подобном перекрестье взглядов трудно открыто проявлять свои чувства.

- Спасибо тебе, господи, - прошептал я, когда обошел вокруг собора.

Что я мог ему еще сказать? Ведь весь мой путь был на виду у него. Словами тут ничего не добавишь.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

Из общего 900-километрового пути примерно 720-740 километров преодолено пешком.

ДУШЕВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Я долго ломал голову, почему в паломничество чаще отправлялись женщины. Об этом факте много упоминаний, а объяснений никаких. Прояснилось где-то через месяц пути и размышлений. Царская Россия - страна абсолютизма. Каждый ее гражданин находился под мощным прессом. Крепостных крестьян давил помещик, помещика - уездное начальство и так далее: вес суммировался от самой вершины пирамиды. Женщина находилась под двойным гнетом: она зависела от тех, кто обладал официальной властью, еще на нее давила власть мужа, отца, свекра, то есть мужской половины семьи.

Паломничество для нее оставалось единственной возможностью глотнуть свободы. Поразмышлять о своей судьбе, откровенно порассуждать о житейском с подругами-попутчицами. Не надо скидывать со счетов еще одно обстоятельство: женщина всегда больше мужчины заботится о собственном здоровье. Посмотрите на очереди в поликлиниках. Паломничество к чудотворным иконам давало возможность крестьянке попросить помощи в борьбе с тем или иным недугом. Здесь нет необходимости рассуждать о механизме мистического действия чудотворной иконы. Не место. Материал этот для светского издания. Но фактор плацебо, от которого выздоровление зависит не меньше, чем на 50-70 процентов, как мне представляется, надо учитывать.

Свою роль играл и психологический фактор. Мужчина генетически запрограммирован как боец, его состояние больше зависит от внутренней самооценки, нежели от внешних обстоятельств. Женщины изначально эмоциональнее мужчин и в то же время слабее их. У них от рождения закладывается значительно большая, чем у мужчин, потребность в защите со стороны. Присмотритесь к числу верующих во время любой церковной службы: женщин, по сравнению с мужчинами, как правило, в два-три раза больше. Да и мужчины, которые стоят рядом с женщинами в храмах, сразу заметно - и по одежде и по выражению лица - не силичи в психологическом плане.

Сам же факт конечного достижения святыни, что свидетельствует о личной силе духа, для паломника, как мне кажется, все-таки не был главным, а являлся одним из двух основных. Не менее важен был сам процесс паломничества. Потому пешее паломничество относилось, пожалуй, к самому значительному поступку в жизни верующего. Или, напротив, сомневающегося в существовании Бога. Паломничество - это проверка человека на искренность в вере.

Долгий пеший путь, во время которого ты размышляешь о Боге, о себе, обо всем, что тебя тревожит, проясняет многое. Паломничество - не подвиг, это путь душевного очищения и просветления. Но оправдан он лишь тогда, когда в нем есть душевная потребность.

Обязательно в дорогу надо брать Евангелие. Разговоры с собственной душой рождают не только ответы, но и новые вопросы. Никогда прежде я с таким упоением, как в походе по пути паломников, не зачитывался притчами Христа и о Христе. Поэтому не следует делать путь тяжким. Плохо, когда уставшее тело требует отды-